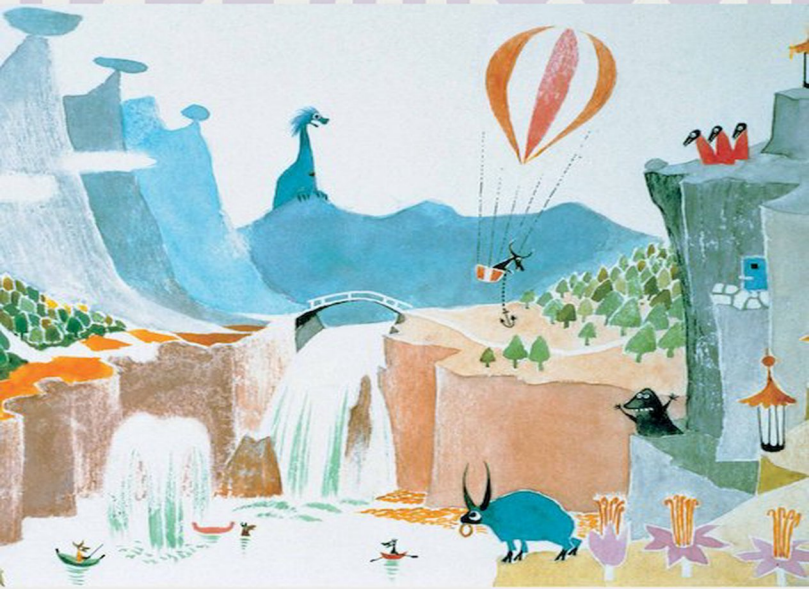
ТУВЕ ЯНССОН

Tove Jansson



МЕМУАРЫ МУМИ-ПАПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мемуары Муми-папы
Туве Марика Янссон

Аннотация
Туве Янссон. Мемуары Муми-папы
Пролог
Вступление
Глава первая,. в которой я повествую о том, как я рос, окружённый непониманием, о первом в моей жизни Происшествии, о страшной ночи в бегах и об исторической встрече с Фредриксоном
Глава вторая,. где я ввожу в повествование Шусселя, представляю читателю дронта Эдварда и красочно описываю «Морзкой оркестор» и его незабываемый спуск на воду
Глава третья,. в которой я рассказываю о своём первом подвиге — спасении утопающих — и о его волнительных последствиях, делюсь несколькими соображениями и описываю поведение клипдассов
Глава четвёртая,. в которой моё морское путешествие подходит к своей наивысшей точке — великолепной картине шторма — и завершается кошмарной неожиданностью
Глава пятая,. где я (пройдя небольшую провер-

ку на сообразительность) описываю семейство Мюмлы и Большой Праздник Сюрпризов, на котором я из рук самого Самодержца получил волшебный почётный дар
Глава шестая,. в которой я основываю колонию и переживаю жизненный кризис, а также вызываю привидение на острове Ужасов
Глава седьмая,. где я описываю, как нашим взорам горделиво предстал преображённый «Морзкой оркестор», как он совершил пробный спуск в пучину вод и какие приключения сопровождали это событие
Глава восьмая,. в которой я привожу обстоятельства свадьбы Шусселя, лёгким пером описываю полную драматизма встречу с Муми-мамой и наконец подхожу к глубокомысленному завершению моих мемуаров
Эпилог

Аннотация

Однажды летом, в самую жару, Муми-папа умудрился простудиться. Никогда не знаешь, чем закончится простуда — особенно если подхватил её впервые в жизни, — так что лучше заранее позаботиться о том, чтобы остаться в памяти грядущих поколений. А ведь до того как сделаться почтенным отцом семейства, Муми-папа был искателем приключений, бороздил речные и морские просторы на корабле с поэтичным названием «Морзкой оркестор», жизнь его была полна невероятных происшествий, трагических поворотов и героических деяний. Чтобы поведать обо всём этом, простуженный Муми-папа начинает писать мемуары, которые, вне всякого сомнения, послужат отрадой и уроком его потомкам (а заодно и нам с вами).

Книга, которую вы держите в руках, — настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно

по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Туве Янссон
Мемуары Муми-папы

Tove Jansson
MUMINPAPPANS MEMOARER

Copyright © Tove Jansson 1950 Moomin Characters ™

All rights reserved

Иллюстрации в тексте и на обложке *Туве Янсон*

Перевод со шведского *Марии Людковской* под общей редакцией *Натальи Калошиной* и *Евгении Канищевой*

© М. Людковская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Однажды, когда Муми-тролль был совсем ещё маленький, его папа подхватил страшную простуду — прямо среди жаркого лета. Папа ни за что не хотел пить молоко с мёдом и луком и соблюдать постельный режим. Он сидел на садовых

качелях, без конца сморкался и жаловался, что сигары стали невыносимо гадкие на вкус. На траве вокруг валялись носовые платки, которые мама время от времени собирала в маленькую корзинку и уносила в дом.

Насморк никак не проходил, а только становился всё хуже, и тогда папа перебрался на веранду в кресло-качалку, спрятал нос в одеяло, а мама замешала ему большую порцию горячего тодди[1] с ромом. Но было поздно. Тодди показался ему таким же противным, как молоко с луком, и, махнув на всё лапой, Муми-папа отправился спать в северную мансарду. Папа ни разу в жизни не болел и поэтому отнёсся к своему недугу крайне серьёзно.

Когда не на шутку разболелось горло, Муми-папа послал за Муми-троллем, Снусмумриком и Сниффом и собрал всех у своей постели. Он просил их не забывать, что им выпало жить бок о бок с настоящим искателем приключений, а потом велел Сниффу принести ему трамвайчик из

[1] Примечания: 1

Тодди — горячий чай с мёдом и пряностями, куда добавляют чего-нибудь горячительного, например рома. *(Примеч. ред.)*

морской пенки[2], который стоял на комоде в гостиной. Правда, к этому времени Муми-папа так осип, что никто не понял, что он хотел сказать.

Подоткнув больному одеяло, сказав все необходимые слова утешения и сочувствия, а также выдав ему карамельки, аспирин и интересные книжки, домочадцы снова вышли на солнце.

Папа лежал в постели и злился, пока не уснул. Когда он проснулся ближе к вечеру, горло отпустило, но он всё ещё злился. Папа позвонил в колокольчик, стоявший у кровати на тумбочке, и Муми-мама немедленно поднялась к нему и спросила, как он себя чувствует.

— Отвратительно, — сказал папа, — но лучше бы ты сейчас проявила интерес к моему трамвайчику из морской пенки.

— Ты имеешь в виду статуэтку в гостиной? — удивилась мама. — А что с ней такое?

Папа сел.

— Ты что, правда не знаешь, какую важную роль этот трамвайчик сыграл в моей жизни? — спросил он.

— Кажется, ты выиграл его в лотерею или что-то вроде того? — отозвалась мама.

---

[2] Примечания: 2

Морская пенка — такой камень, шелковистый на ощупь и очень лёгкий. Он не тонет в воде и бывает белый, серый или розовый. *(Примеч. ред.)*

Папа покачал головой, высморкался и вздохнул.

— Так я и думал, — сказал он. — А вдруг бы я сегодня утром умер от простуды? Никто из вас так бы и не узнал историю моего трамвайчика. Да и не только трамвайчика — подозреваю, так же обстоит дело и с массой других наиважнейших вещей. Сколько я вам ни рассказывал о своей юности, вы, конечно же, всё позабыли.

— Кое-какие детали и правда стёрлись, — призналась мама. — Память со временем становится так ненадёжна… Не хочешь пообедать? У нас сегодня летний суп из овощей и кисель.

— Фу, как скучно, — мрачно сказал Муми-папа, отвернулся к стенке и надрывно закашлял.

Муми-мама какое-то время молча смотрела на него.

— Послушай, дорогой, — вдруг сказала она. — Я тут прибирала на чердаке и нашла большую тетрадь. А что, если тебе написать книгу о своей юности?

Папа ничего не ответил, но кашлять перестал.

— Это было бы так кстати — особенно сейчас, когда ты болен и не можешь выходить на улицу, — продолжила мама. — Кажется, это называется муми-ары, да? Когда пишут о своей

жизни?

— Мемуары, — поправил её папа.

— А потом ты бы мог читать нам вслух всё, что сочинил. Скажем, после завтрака и после обеда.

— Это так быстро не делается, — проворчал папа, скинув с себя одеяло. — По-твоему, это легко — написать книгу? Я не прочту вслух ни слова, пока не допишу главу до конца, и сперва я буду читать тебе, а потом уже всем остальным.

— Как скажешь, дорогой, — ответила мама и пошла на чердак искать тетрадь.

— Как он себя чувствует? — спросил Муми-тролль.

— Уже лучше, — ответила мама. — Но прошу вас, не шумите, потому что сегодня твой отец начинает писать мемуары.

Вступление

Я, отец Муми-тролля, сижу у окна, глядя, как светлячки вышивают тайный узор на чёрном бархате вечернего сада. Недолговечные росчерки короткой, но счастливой жизни!

Глава семейства и домовладелец, я с грустью оглядываюсь назад, на свою бурную молодость,

о которой задумал написать, и перо неуверенно дрожит в моей лапе.

Однако приведу здесь мудрое высказывание другого великого мыслителя, придающее мне храбрости в моём начинании: «Каждый, кем бы он ни был, совершивший какое-либо достойное — или кажущееся достойным — деяние, если он добродетелен и правдив, должен собственноручно описать свою жизнь, однако начинать это предприятие следует не раньше, чем он достигнет сорока лет»[3].

Я, несомненно, совершил много достойных деяний, и ещё больше таких, которые кажутся мне достойными. Я весьма добродетелен и правдив, если только правда не слишком скучна (а сколько мне лет, я забыл).

Да, я поддался уговорам близких и соблазну рассказать о себе, ибо, честно скажу, стать автором, чьи труды будут читать во всей долине, — невероятно заманчиво.

Так пусть сии скромные записки послужат отрадой и уроком всем муми-троллям, в особенности же моему сыну. Моя память, некогда

---

[3] Примечания: 3

Здесь Муми-папа приводит цитату из автобиографии Бенвенуто Челлини — знаменитого скульптора и ювелира эпохи Возрождения. *(Примеч. пер.)*

ясная, к сожалению, уже изменяет мне. Но за исключением отдельных незначительных преувеличений и неточностей, которые наверняка лишь украсят эту автобиографию и добавят местного колорита и живости, я ни словом не погрешу против истины.

Дабы не задеть ничьих чувств, я в своём повествовании заменяю порой филифьонок на хемулей, гафс на ежих и так далее, но это никак не помешает проницательному читателю разобраться в подлинных обстоятельствах дела.

Читатель, безусловно, узнает в фигуре Юксаре загадочного отца Снусмумрика и, несомненно, поймёт, что зверёк Снифф — отпрыск Шусселя.

О ты, малое неразумное дитя, склонное видеть в отце своём личность серьёзную и почтенную, прочти этот рассказ о приключениях трёх юношей, впоследствии ставших отцами, и ты увидишь, что все папы похожи (или, во всяком случае, были похожи в молодости).

Считаю своей обязанностью — как перед самим собой, так и перед современниками и потомками — написать о нашей славной, не лишённой безрассудства юности. И мыслится мне, что многие, читая сие сочинение, в задумчивости возденут нос к небу и воскликнут: «Ну и муми-тролль!»

или «Вот это жизнь!» (Ужас просто, до чего это важный и торжественный момент!)[4]

Наконец, хочу выразить горячую признательность всем, кто в своё время помог превратить мою жизнь в жемчужину, каковой она, несомненно, является, — особенно же Фредриксону, хаттифнатам и моей супруге, несравненной и неповторимой Муми-маме.

Муми-долина, август.
Автор

[4] Примечания: 4

Если вы дочитаете мои мемуары до конца, я бы посоветовал вам вернуться к началу и прочесть их ещё раз. *(Примеч. Муми-папы.)*

Глава первая,
в которой я повествую о том, как я рос, окружённый непониманием, о первом в моей жизни Происшествии, о страшной ночи в бегах и об исторической встрече с Фредриксоном

Давным-давно, унылым и ветреным августовским вечером, на ступенях сиротского муми-приюта была найдена простая плетёная сумка, с какой хозяйки ходят на рынок. В сумке лежал не кто иной, как я, небрежно завёрнутый в старые газеты.

Не правда ли, куда романтичнее было бы уложить меня в маленькую изящную корзинку, выстеленную мягким мхом?!

Меж тем Хемулиха, хозяйка приюта, инте-

ресовалась астрологией (исключительно для домашних нужд) и — к чести её надо заметить — выяснила, какие звёзды господствовали на небе в тот день, когда я явился на свет. Звёзды сообщали о рождении незаурядного и одарённого муми-тролля, и Хемулиха забеспокоилась, что я доставлю ей слишком много хлопот (у гениев вообще не лучшая репутация, хотя лично меня это никогда не смущало).

Удивительная вещь — расположение звёзд! Родись я на час-другой раньше, и быть бы мне азартным картёжником; а те, кто родился на двадцать минут позже меня, обнаружили в себе неодолимое призвание играть в духовом оркестре. (Советую всем папам и мамам, прежде чем зачинать дитя, лишний раз подумать и произвести самые тщательные подсчёты.)

Как бы то ни было, когда меня достали из сумки, я трижды чихнул — причём весьма решительно. Полагаю, это что-нибудь да значило!

Хемулиха капнула мне на хвост сургуча и отпечатала на нём магическую цифру тринадцать, ибо до моего появления в приюте содержалось двенадцать найдёнышей. Все они были одинаково серьёзны, аккуратны и послушны, потому что, к сожалению, Хемулиха мыла их чаще, чем

обнимала (цельность её натуры заключалась в отсутствии тонких душевных проявлений). Дорогие читатели, представьте себе муми-дом, в котором все комнаты тянутся ровными рядами, все прямоугольные и все до единой выкрашены в грязно-жёлтый цвет. Не верите? Во всех муми-домах всегда полно самых неожиданных закутков и тайных комнат, лестниц, балконов и башенок, скажете вы. Во всех, но только не в этом! Хуже того: здесь не позволялось вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! (Нас даже в уборную не хотели выпускать!)

Мне нельзя было приносить домой и держать под кроватью симпатичных букашек! Есть и мыться полагалось только в строго определённое время! А здороваясь, надо было держать хвост под углом в сорок пять градусов! Можно ли говорить об этом без слёз?!

Я частенько стоял перед маленьким зеркалом в прихожей и вглядывался в грустные голубые глаза по ту сторону стекла, пытаясь постичь тайный смысл своего существования. Спрятав мордочку в лапах, я повторял со вздохом: «Совсем один!», «О жестокий мир!», «От судьбы не уйти!» и другие печальные слова — до тех пор, пока мне не становилось легче.

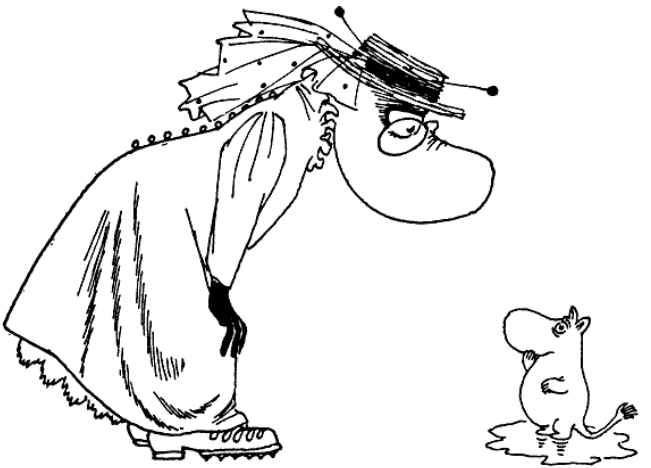
Я был очень одиноким муми-ребёнком, что часто случается с талантливыми самородками. Никто меня не понимал, и меньше всех — я сам. Конечно, я видел разницу меж собой и другими муми-детьми. По большей части она заключалась в прискорбном отсутствии у них всякой пытливости ума и умения удивляться.

Я, к примеру, мог спросить Хемулиху:

— Почему всё устроено именно так, а не наоборот?

— Наоборот! — хмыкнула Хемулиха. — Ещё чего не хватало. Можно подумать, нам плохо живётся!

Она никогда ничего мне толком не объясняла, и я всё больше уверялся в том, что она просто предпочитает не думать о таких вещах. «Что и когда?» и «Кто и как?» — пустые для хемулей слова. Я спрашивал её, например, почему я — это я, а не кто-то другой.



— Это большое несчастье для нас обоих! Ты помылся? — вот что на этот важный вопрос отвечала мне Хемулиха.

Но я не отставал:

— Но почему вы, тётя, именно хемуль, а не муми-тролль?

— Мои мама и папа были хемулями, хвала рас-

порядку, — отвечала она.

— А их папы и мамы? — не унимался я.

— И они тоже! — выкрикнула Хемулиха. — И их папы и мамы тоже, и все их мамы и папы, и так далее, и так далее без конца, а теперь иди мойся, потому что я начинаю нервничать!

— Какой ужас. Неужели они никогда не кончаются? — спросил я. — Ведь где-то же были первые папа и мама?

— Это было так давно, что уже не важно, — сказала Хемулиха. — И почему это, интересно, мы должны кончаться?

(Смутное, но навязчивое предчувствие подсказывало мне, что та цепочка мам и пап, которая имела отношение непосредственно ко мне, была не самой заурядной. Я бы не удивился, узнав, что меня нашли в пелёнке с вышитой королевской короной. Но увы! Это была лишь старая газета.)

Как-то раз мне приснилось, что, здороваясь с Хемулихой, я держу хвост под неправильным углом, а именно в семьдесят градусов. Я рассказал ей о своём приятном сне и спросил, не сердится ли она.

— Сны — чепуха, — отрезала Хемулиха.

— Как знать, — возразил я. — А что, если тот муми-тролль, который мне приснился, — настоя-

щий, а тот, что стоит здесь, — просто сон?

— К сожалению, это не так. Ты существуешь, — вздохнула Хемулиха устало. — Всё, мне некогда! У меня от твоих вопросов голова трещит! Что из тебя вырастет в этом нехемульском мире?

— Я буду знаменит, — серьёзно объяснил я. — А ещё я построю приют для маленьких хемулят. И разрешу им есть бутерброды с патокой прямо в постели, а под кроватью держать ужей и скунсов!

— Хемулята на это никогда не согласятся, — сказала Хемулиха.

К сожалению, я думаю, что она права.

Так и протекало моё раннее детство — в постоянном и тихом изумлении. Я только и делал, что удивлялся да повторял свои «Что где?» и «Кто как?» Хемулиха и её послушные найдёныши старались избегать меня, от слова «почему» им, видимо, делалось не по себе. А я бродил в одиночестве по голому пустынному берегу близ приюта и размышлял о паучьих сетях и звёздах, о мелкой живности с закрученными хвостами, копошившейся в лужах, и о ветре, который всегда дул с разных сторон и никогда не пахнул одинаково. (Как я узнал позже, одарённый муми-тролль всегда изумляется тому, что другим представляется

очевидным, и не находит ничего удивительного в том, что удивляет муми-тролля обычного.) Это было время меланхолии.

Однако вскоре произошли некоторые перемены. Я задумался о форме собственного носа. Махнув лапой на равнодушное окружение, я стал всё больше размышлять о себе и находил это времяпровождение завораживающим. Я перестал задавать вопросы, вместо этого меня охватило желание говорить о том, что я думаю и чувствую. Но, увы, кроме себя самого, я не был никому интересен.

А потом наступила весна, сыгравшая столь важную роль в моём развитии. Сперва я и не понял, что она пришла лично ко мне. Я слышал, как пищат, жужжат и бормочут все те, кто пробуждается от зимней спячки и торопится встречать весну. Я видел, как спешат пробиться из земли побеги на идеально симметричном огороде Хемулихи, как они вытягиваются от нетерпения. По ночам пели новые ветра. И запахи стали другими. Пахло переменами. Я водил носом и принюхивался, лапы у меня болели, оттого что так быстро росли, но я пока ещё не понимал, что всё это происходит только ради меня одного.

И вот однажды, ветреным утром, я наконец это

почувствовал… Да-да, я попросту это ощутил. И сразу поспешил к морю, которое Хемулиха не любила и потому ходить туда всем запрещала.

У моря меня ждало важное открытие. Впервые в жизни я увидел себя в полный рост. Гладкая блестящая льдина была куда больше, чем зеркало в прихожей у Хемулихи. Я видел, как над моими аккуратными навострёнными ушками пролетают весенние облака. Наконец-то я смог оглядеть всю свою мордочку и её крепкое, ладное продолжение до самых лапок. Единственное, что меня слегка разочаровало, — это они, лапки. Было в них что-то беспомощное и детское. Но, подумал я, быть может, со временем это пройдёт. Ведь моё главное достоинство, вне всяких сомнений, — это голова. Что бы я ни делал, другим со мной никогда не будет скучно. А на лапы мои никто и внимания не обратит. Зачарованный, я смотрел на своё отражение. Чтобы получше разглядеть его, я лёг животом на лёд.

Но в тот же миг я исчез. Осталась лишь зелёная мгла, которая уходила вниз, всё глубже и глубже. В чужом, тайном подлёдном мире двигались нечёткие тени, опасные и манящие. У меня закружилась голова, и я подумал: а что будет, если рухнуть туда? Вниз, к этим странным теням…

Эта мысль была столь ужасна, что я снова повторил её про себя: глубже, глубже… И никогда уже не подняться… Всё вниз, вниз и вниз.

Это меня страшно взволновало. Я встал и немного попрыгал — проверить, выдержит ли лёд. Лёд был крепкий. Тогда я решил посмотреть, что будет, если я пройду ещё дальше. Но дальше лёд не выдержал.

Я вдруг по уши провалился в холодную зелёную воду. Я болтал своими беспомощными лапками над бездонной и опасной мглой, а по небу летели облака — так спокойно, будто ничего и не случилось.

А что, если одна из грозных подлёдных теней меня сожрёт?! Отхватит одно ухо, принесёт его домой своим деткам и скажет: «Ешьте скорей, пока не остыло! Это самый настоящий мумитролль, редкий улов!» Или вдруг меня прибьёт к берегу, с трагическим пучком водорослей за ушами, и Хемулиха будет плакать и каяться, и

твердить всем своим знакомым: «Ах, это был такой необычный муми-тролль! Жаль только, я не понимала этого раньше…»

Я уже представлял себе собственные похороны, когда вдруг почувствовал, как что-то легонько щиплет меня за хвост. Каждый, у кого есть хвост, знает, с какой бережностью следует обращаться с этим особенным украшением нашего тела и как чувствительно оно к любой опасности и грубости. Очнувшись от грёз, я приготовился действовать. Я решительно вскарабкался на льдину и добрался до берега. Там я сказал себе: это было Происшествие. Первое в моей жизни. Теперь я больше не могу оставаться у Хемулихи. Я возьму свою судьбу в собственные лапы!

Весь день я дрожал, но никто не спрашивал меня почему. И это лишь укрепило мою решимость. В сумерках я порвал простыню на длинные полосы, сплёл из них верёвку и привязал её к подоконнику. Послушные найдёныши внимательно за мной наблюдали, но ничего не говорили, что весьма меня задело. После вечернего чая я написал прощальное письмо, предварительно хорошенько его обдумав. Письмо было простое, но полное внутреннего достоинства. Вот как оно звучало:

Дорогая Хемулиха!

Я уверен, что меня ждут великие дела, а жизнь муми-тролля коротка. Поэтому я ухожу, прощайте. Не скорбите обо мне, я вернусь, увенчанный славой!

P. S. Я взял банку тыквенного пюре из Ваших запасов.

Счастливо оставаться!

Муми-тролль,
непохожий на других.

Жребий брошен! Я отправился в путь, ведóмый звёздами своей судьбы и не знающий о том, какие удивительные происшествия ждут меня впереди. Ещё совсем юный муми-тролль, я печально брёл по лугам, ронял вздохи в тишине диких лощин и прислушивался к жутким звукам ночи, которые лишь обостряли моё одиночество.

Воспоминания о несчастливом детстве так растрогали Муми-папу, что, дойдя в своём рассказе до этого места, он решил немного передохнуть. Он закрутил колпачок ручки и подошёл к окну. В Муми-долине было совсем тихо. Только вечерний бриз что-то шептал в саду, да верёвочная лестница Муми-тролля раскачивалась у стены. «А что, я легко мог бы сбежать и теперь, — подумал

папа. — Ведь я ещё хоть куда!»

Хихикнув себе под нос, он свесил ноги с подоконника и взялся за лестницу.

— Привет, папа, — поздоровался Муми-тролль, высунувшись из соседнего окна. — Что ты делаешь?

— Гимнастику, сын мой, — ответил Муми-папа. — Очень полезно! Шаг вниз, два наверх, шаг вниз, два наверх! Укрепляет мышцы.

— Смотри не упади, — сказал Муми-тролль. — Как там твои мемуары?

— Хорошо, — ответил папа и перекинул дрожащие лапки обратно через подоконник. — Я только что сбежал. Хемулиха рыдает. Будет очень драматично.

— Когда ты нам почитаешь? — спросил Муми-тролль.

— Скоро. Как только дойду до корабля. Это так увлекательно — читать то, что сам написал!

— Это точно, — зевая, откликнулся Муми-тролль. — Пока.

— Пока, — ответил папа и открутил колпачок ручки. — Так-так. На чём я там остановился?.. Ага, я бежал, а потом, наутро… Нет, это было позже. Надо добавить красок в описание ночи бегства…

Всю ночь я брёл по незнакомым, унылым местам. Как же мне жалко себя теперь, когда я оглядываюсь назад! Я не смел остановиться, не смел оглядеться по сторонам. Мало ли что скрывается в темноте! Я пробовал петь «О, этот нехемульский мир» — утренний марш найдёнышей, — но голос дрожал так, что становилось только страшнее. В ту ночь был туман. Густой, как овсяная каша Хемулихи, он накрыл пустошь, обратив кусты и камни в бесформенные чудища — они ползли на меня, тянули руки… Бедный я, бедный!

Даже сомнительная компания Хемулихи могла

бы утешить меня в тот миг. Но повернуть назад — ни за что! Тем более после такого шикарного прощального письма!

Наконец тьма рассеялась.

А на заре случилось кое-что восхитительное. Туман стал розовым, как вуаль на выходной шляпке Хемулихи, и в один миг весь мир тоже стал дружелюбным и розовым! Я стоял неподвижно и смотрел, как уходит ночь, я полностью расквитался с ней, и теперь меня ждало утро, моё первое, личное, только моё утро! Дорогие читатели, вообразите себе, с какой радостью, с каким ликованием я сорвал с хвоста ненавистный сургуч и зашвырнул его подальше в вересковую пустошь! А потом — в брезжущем свете холодного весеннего утра — сплясал муми-танец в честь обретённой свободы, навострив свои маленькие изящные ушки и гордо задрав мордочку.

Теперь мне никогда больше не надо будет мыться! Никогда больше меня не заставят ужинать лишь потому, что часы пробили пять! Не надо никому салютовать хвостом — кроме разве что короля — и спать в грязно-жёлтой прямоугольной комнате! Долой хемулей!

На небо выкатилось солнце, засверкало на паутине и на мокрых листьях, и сквозь тающий

туман я увидел Дорогу. Петляя по лугам, она вела прямо в мир, в мою жизнь, которая станет необыкновенной, славной жизнью, не похожей ни на чью другую.

Первым делом я съел тыквенное пюре и выкинул банку, избавившись тем самым от единственного своего имущества. Никакие дела меня не ждали, а делать что-либо просто по старой привычке я не мог, потому что всё вокруг было новым. Никогда ещё мне не было так хорошо.

Это потрясающее настроение не покидало меня до вечера. Я так упивался свободой и самим собой, что наступающие вечерние сумерки ничуть меня не беспокоили. Распевая песню, которую я сложил из самых важных слов (теперь, к сожалению, позабытую), я шагал прямо в объятия ночи.

Ветер дул в лицо, и незнакомый, приятный запах наполнял меня предвкушениями. Тогда я не знал, что так пахнет лес, что это аромат мха и папоротников и тысяч больших деревьев. Устав от ходьбы, я свернулся калачиком на земле и подтянул к животу замёрзшие лапки. Кто его знает, может, и не стоит открывать приют для маленьких хемулей. Их, кстати говоря, находят крайне редко. И не лучше ли стать искателем приключений, чем просто знаменитостью? В

конце концов я решил стать знаменитым искателем приключений. И перед тем как уснуть, подумал: завтра!

Когда я проснулся, надо мной простирался новый, ярко-зелёный мир. Я очень удивился, и меня нетрудно понять — ведь за всю свою жизнь я не видел ни единого деревца. Эти деревья были так высоки, что захватывало дух; на прямых, как копья, стволах несли они свои зелёные своды. Листва легко покачивалась и светилась на солнце, а птицы сновали взад-вперёд и голосили от восторга. Я немного постоял на голове, чтобы собраться с мыслями. А потом крикнул:

— Доброе утро! Чьё это такое красивое место? Надеюсь, хемули тут не водятся?

— Нам некогда! Мы играем! — крикнули птицы в ответ и спикировали вниз, рассекая листву.

И тогда я пошёл в лес. Мох был тёплый и очень мягкий, но под папоротниками покоились глубокие тени. Куда ни глянь, всюду шебуршали ползучие и летучие создания, но они, разумеется, были слишком малы для серьёзных разговоров. Наконец мне повстречалась пожилая ежиха, которая сидела в одиночестве и начищала ореховую скорлупку.

— Доброе утро! — приветствовал я её. — Я —

одинокий беглец, рождённый под совершенно особенными звёздами.

— Вот как, — буркнула ежиха без особого интереса. — А я работаю. Делаю плошку для простокваши.

— Чудесно, — сказал я и понял, что проголодался. — А кто же владелец этого прекрасного места?

— Никто! Все! — ответила ежиха, пожимая плечами.

— И я тоже? — спросил я.

— Да пожалуйста, мне-то что. — И ежиха продолжила чистить скорлупку.

— А вы точно уверены, что это место не принадлежит кому-нибудь из хемулей? — с беспокойством спросил я.

— Кому? — переспросила ежиха.

Надо же, эта счастливица в жизни не встречала хемулей!

— У хемулей ужасно огромные ноги и отсутствует чувство юмора, — объяснил я. — Нос у них выдающийся, слегка приплющенный, а волосы растут непонятными клочками. Хемули ничего не делают просто ради удовольствия, а делают только то, что нужно, и всё время учат других, что им делать, и…

— О ужас! — воскликнула ежиха и попятилась в папоротники.

Что ж, подумал я, слегка обиженный (мне хотелось гораздо больше рассказать о хемулях). Это место — ничьё, и в то же время — общее, а значит, и моё тоже. Чем же заняться?

И я сразу придумал чем — новые идеи быстро приходят мне в голову. Клац — и готово. Если есть муми-тролль и есть некое Место, то можете не сомневаться, что на этом месте появится Дом. Какая восхитительная мысль: дом, который я построю сам! Дом, который будет принадлежать только мне! Неподалёку я нашёл ручей и зелёную полянку, показавшиеся мне очень подходящими для муми-тролля. А в излучине ручья был даже маленький песчаный пляжик.

Я взял палочку и принялся рисовать на песке мой дом. Я не сомневался ни секунды — я точно знал, как должен выглядеть дом муми-тролля. Я сделал его высоким и узким, со множеством балкончиков, лестниц и башенок. На верхнем этаже я устроил три маленькие комнаты и чулан для всякой, знаете, всячины, а нижний этаж заняла большая, нарядная гостиная. Снаружи — остеклённая веранда: тут я буду сидеть в кресле-качалке, смотреть, как бежит ручей, а рядом поставлю поднос с большим стаканом сока и длиннющей вереницей бутербродов. Перила веранды я украсил искусной резьбой с сосновыми шишками. Остроконечную крышу дома венчала изящная луковка, которую я позже обязательно позолочу. Я долго думал, как быть с традиционной печной дверцей — памятью тех давних времён, когда все муми-тролли жили за печкой (то есть ещё до того, как кто-то придумал батареи парового отопления). В результате я решил обойтись без латунной дверцы и сложил в гостиной огромную печь, покрытую изразцами.

Вообще говоря, дом и сам определённо походил на изразцовую печь. Я был просто зачарован этим прекрасным строением, выросшим с такой сказочной быстротой. Полагаю, тут дело в

наследственных качествах, но также в таланте, критическом мышлении и способности трезво оценивать свои возможности. Однако, поскольку творцу не пристало расхваливать собственное творение, я описываю вам результат своей работы лишь в общих чертах.

Внезапно похолодало. Тень от папоротников расползлась на весь лес, близился вечер.

Я так устал и проголодался, что голова моя шла кру́гом и я не мог думать ни о чём другом, кроме как о ежихиной простокваше. К тому же, кто знает, вдруг у неё найдётся золотая краска для луковки на крыше… На негнущихся от усталости лапах я пошёл назад через чернеющий лес.

— Опять вы здесь, — сказала ежиха. Она мыла посуду. — Только не вздумайте снова рассказывать мне о хемулях!

Я широко взмахнул лапой и ответил:

— До хемулей, любезная госпожа, мне нет теперь ни малейшего дела. Я построил дом! Непритязательный двухэтажный домик. Я устал, я счастлив и невероятно голоден! Я привык ужинать в пять часов. И ещё мне нужно немного золотой краски для луковки на…

— Вот как? Золотой краски! — недовольно перебила меня ежиха. — Новая простокваша ещё

не заквасилась, а старую я съела. Вы явились как раз к мытью посуды.

— Пусть так, — отвечал я. — Что такое чашка простокваши для искателя приключений? Но прошу вас, любезная госпожа, бросьте вы эту посуду и взгляните на мой новый дом!

Ежиха недоверчиво посмотрела на меня, вздохнула и обтёрла лапки полотенцем.

— Ладно, — сказала она. — Опять придётся воду греть. Где этот ваш дом? Далёко?

Я повёл её к ручью, и, пока шёл, в мои пятки закралось страшное предчувствие и поползло выше, к самому животу. Тем временем мы приблизились к месту.

— Ну? — сказала ежиха.

— Любезная госпожа, — жалобно произнёс я, указывая на своё строение на песке. — Вот таким я задумал мой дом. Перила на веранде украшает резной узор из сосновых шишек. Вернее, если вы одолжите мне лобзик… — Я совершенно запутался.

Понимаете ли, дорогие читатели, я так увлёкся строительством, что и вправду поверил, будто дом готов! Это, безусловно, свидетельствует об очень живом воображении — качестве, которое в будущем станет определяющим в моей жизни

и жизни моих близких.

Ежиха ничего не сказала. Она окинула меня долгим взглядом, пробормотала что-то, чего я, к счастью, не разобрал, и ушла домывать свою посуду.

Я шагнул в ручей и, ни о чём не думая, побрёл по прохладной воде. Ручей бежал так, как обычно бегут ручьи, причудливо и неторопливо. Местами он был прозрачный и мелкий, с камушками на дне, а местами делался глубже, и тогда вода темнела и замирала. Солнце — очень красное — спустилось уже совсем низко и светило на меня из-за сосен, а я, прикрыв глаза, шёл себе дальше.

Наконец снова раздался щелчок: клац! — и в голову мне пришла свежая мысль. Сами рассудите, если бы я построил дом на прекрасной полянке с прекрасными цветами, то я бы испортил полянку, правда? Дом лучше строить рядом с полянкой, а рядом с полянкой места для постройки, представьте себе, не было. И ещё — я бы стал домовладельцем. Спрашивается, может ли домовладелец быть в то же самое время искателем приключений? Нет! Это, скажу я вам, исключено!

Теперь подумайте дальше: а вдруг мне всю жизнь пришлось бы жить по соседству с этой

ежихой? Ведь у неё, вероятно, огромная ежиная родня, и все они, полагаю, точь-в-точь такие же, как она. То есть вообще-то мне очень повезло: я избежал разом трёх больших неприятностей.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что строительство дома стало моим первым жизненным Опытом, имевшим величайшее значение для моего развития.

Итак, не потеряв свободы и самоуважения, я брёл по течению, пока странный негромкий звук не нарушил хода моих мыслей. Посреди ручья крутилось замечательное водяное колесо, собранное из веточек и плотных листьев. Я в изумлении остановился. И вдруг услышал чей-то голос:

— Эксперимент. Считаю обороты.

Сощурив глаза против огромного красного солнца, я увидел два внушительных уха, торчащих из кустов черники.

— С кем имею честь?.. — спросил я.

— Фредриксон, — ответил мой ушастый собеседник. — А вы кто?

— Я муми-тролль, — сказал я. — Беглец, рождённый под совершенно особенными звёздами.

— Какими же? — с явным любопытством спросил Фредриксон, и я очень обрадовался, потому что впервые за всю свою жизнь услышал умный

вопрос.

Я вылез из ручья, сел рядом с Фредриксоном и рассказал обо всех знамениях и знаках, сопровождавших моё появление на свет. Он ни разу не перебил меня, и я поведал о прекрасной корзиночке из листьев, в которой нашла меня Хемулиха. Рассказал о её ужасном доме и о моём детстве, прошедшем среди непонимания. О приключении на весеннем льду, и о драматическом бегстве из приюта, и о полном опасностей пути через пустоши и лощины.

Наконец я объяснил Фредриксону, что хочу стать искателем приключений. (Про дом и ежиху я решил не упоминать — зачем придавать значение второстепенным деталям?)

Фредриксон серьёзно слушал, помахивая ушами ровно там, где это было уместно. Когда я умолк, он ещё долго думал, а потом сказал:

— Странно. Всё это довольно странно.

— Правда же?! — благодарно поддакнул я.

— Хемули — неприятные создания, — пояснил Фредриксон.

Он задумчиво достал из кармана кулёк с бутербродами и протянул мне половину.

— Ветчина, — сказал он.

Потом мы немного посидели рядом, глядя на исчезающее солнце.

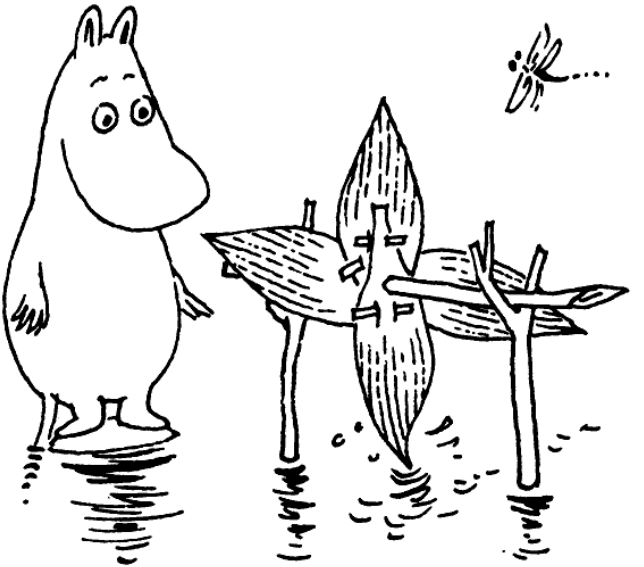
В течение всей нашей долгой дружбы с Фредриксоном я не раз изумлялся тому, как ему удаётся успокоить и убедить собеседника, почти ничего не говоря и не прибегая к словам с большой буквы. Обидно, что я так не умею, но меняться я не собираюсь.

День закончился восхитительно. Советую всем, у кого тревожно на душе, понаблюдать, как крутится посреди ручья сделанное на славу водяное колесо. Искусству мастерить такие колёса я

впоследствии научил моего сына Муми-тролля. (Делается это так: срежьте две небольшие рогатины и воткните в песок на дне ручья на некотором расстоянии друг от друга. Найдите четыре продолговатых плотных листка и проткните их в середине веточкой, так, чтобы из них, вместе взятых, получилась звезда. На картинке показано, как скрепить всю эту конструкцию тонкими прутиками. Наконец, положите веточку с листиками в развилки рогатин, и колесо завертится.)

Когда лес стал совсем чёрный, мы с Фредриксоном пошли на мою полянку и там заночевали. Мы спали на веранде моего дома, только Фредриксон об этом не знал. Зато я окончательно продумал узор с сосновыми шишками для перил. Я понял, как построить лестницу на верхний этаж. Я был убеждён, что дом совершенен и в некотором смысле готов. Теперь о нём можно до поры до времени забыть.

Главным сейчас было то, что я нашёл своего первого друга, а значит, моя жизнь началась всерьёз.



Глава вторая,
где я ввожу в повествование Шусселя, представляю читателю дронта Эдварда и красочно описываю «Морзкой оркестор» и его незабываемый спуск на воду

Когда я проснулся, Фредриксон ставил в ручье сеть.

— Привет, — сказал я. — Здесь водится рыба?

— Нет, — отвечал Фредриксон. — Подарок на день рождения.

В этом был весь Фредриксон. На самом деле он просто хотел сказать, что сеть ему подарил племянник, который сам её сплёл и очень бы огорчился, если бы Фредриксон её не опробовал. Со временем я узнал, что племянника зовут Шуссель[5] и что родители его погибли во время генеральной уборки. Теперь он жил в банке из-под кофе — такой, знаете, синей — и собирал главным образом пуговицы. Не самая длинная история, правда? Но Фредриксон ни за что не смог бы рассказать её всю целиком за один раз.

Он слегка поманил меня ухом и двинулся через лес, указывая дорогу. Мы остановились перед кофейной банкой. Фредриксон достал кедровый свисток с горошиной внутри и свистнул два раза. Крышка слетела, из банки выскочил Шуссель и радостно бросился к нам, пища и суетясь.

— Доброе утро! — закричал он. — Как здорово! Кажется, ты говорил, чтобы сегодня я ждал сюрприза?! А кого это ты привёл? Какая честь! Жаль только, я не успел прибрать в банке…

— Не волнуйся, — отвечал Фредриксон. — Муми-тролль.

---

[5] Примечания: 5

Шуссель — это такой маленький зверёк, который носится взад-вперёд очень быстро и бестолково, опрокидывая и роняя всё вокруг. *(Примеч. автора.)*

— Добрый день! — выкрикнул Шуссель. — Очень рад! Я сейчас… Одну секунду, мне только надо кое-что захватить…

Шуссель исчез в банке и стал с ужасным грохотом копошиться там. Вскоре он вылез, зажав под мышкой небольшую коробку, и мы втроём пошли через лес.

— Племянник, — вдруг сказал Фредриксон. — Ты рисовать умеешь?

— Ещё бы! — воскликнул Шуссель. — Однажды я нарисовал именные карточки для застолья — всем своим кузенам, чтобы знать, где кто сидит! У каждого была своя, особая карточка! Хочешь, я и тебе такую сделаю, глянцевую, блестящую? Или выведу какой-нибудь афоризм? Прости, но что именно тебе нужно? Это как-то связано с твоим сюрпризом?

— Секрет, — ответил Фредриксон.

Тут Шуссель запрыгал от возбуждения, верёвочка, которой была перехвачена его коробка, развязалась, и в мох посыпались все его пожитки, а именно: медные спиральки, резинки для чулок, ролики для выкроек, серёжки, двойные розетки, баночки, сушёные лягушки, сырорезки, сигаретные окурки, множество пуговиц и прижимная пробка для бутылки.

— Спокойно, — сказал Фредриксон и собрал всё обратно.

— Раньше у меня был отличный шнурочек, но он потерялся! Простите! — сказал Шуссель.

Фредриксон вынул из кармана шпагат, перевязал коробку, и мы пошли дальше. Уши Фредриксона выдавали тайное волнение. Наконец он остановился у густого орешника, повернулся и серьёзно поглядел на нас.

— Там твой сюрприз? — благоговейно прошептал Шуссель.

Фредриксон кивнул. Мы торжественно заползли в орешник и вскоре оказались на полянке, посреди которой высился корабль, большой корабль!

Он был широкий и остойчивый, как сам Фредриксон, такой же надёжный и крепкий. Я ничего не знал о кораблях, но сразу прочувствовал саму, так сказать, идею корабля; моё жаждущее приключений сердце заколотилось, я ощутил запах новой свободы. Одновременно я представил, как в мечтах Фредриксона родился этот корабль, как Фредриксон продумывал и чертил его, как по утрам ходил на свою полянку и строил. Должно быть, он очень давно над ним работал, но никому ещё о нём не рассказывал, даже Шусселю.

Мне вдруг стало грустно.

— Как ты его назвал? — еле слышно спросил я.

— «Морской оркестр», — отвечал Фредриксон. — Так назывался сборник стихов моего пропавшего брата. Надпись будет ультрамариновая.

ПРОПАВШИЙ БРАТ ФРЕДРИКСОНА

— Можно я напишу название?! Пожалуйста! — пролепетал Шуссель. — Что, правда? Клянёшься своим хвостом? Прости, а можно я покрашу весь корабль? Тебе нравится красный цвет?

Фредриксон кивнул и сказал:

— Осторожней, не закрась ватерлинию.

— У меня есть большая жестянка с красной краской! — вне себя от счастья закричал Шуссель. — И маленькая скляночка ультрамарина… Какое совпадение! Как здорово! Я домой, приготовлю вам завтрак и приберу в кофейной банке… — Усики его задрожали от волнения, и он убежал.

Я посмотрел на корабль и сказал:

— Вот это да.

И тут Фредриксон заговорил. Он говорил долго, не умолкая, и всё только о конструкции своего корабля. Потом достал бумагу и ручку и показал мне, как будут крутиться колёса. Мне было трудно уследить за его объяснениями, но я понял, что его что-то беспокоит. Кажется, это было как-то связано с винтом.

Я всей душой ему сочувствовал, но, к сожалению, не мог уяснить суть проблемы: увы, при всей разносторонности моего таланта, на некоторые области он всё-таки не распространяется, и одна

из них — инженерное дело.

Зато посреди корабля высился маленький домик с ажурной крышей, который меня сразу очень заинтересовал.

— Ты здесь живёшь? — спросил я. — Похоже на беседку для муми-троллей.

— Ходовая рубка, — с лёгким неудовольствием ответил Фредриксон.

Я погрузился в раздумья. На мой вкус, домик был чересчур практичен и безыскусен. Наличники могли быть и позатейливей. На капитанском мостике явно не хватало резных деревянных перилец с морскими мотивами. А крышу неплохо бы украсить луковкой, которую вполне можно позолотить…

Я открыл дверь. Прямо посреди рубки на полу кто-то спал, прикрывшись шляпой.

— Знакомый? — удивлённо спросил я Фредриксона.

Фредриксон подошёл ближе.

— Юксаре, — сказал он.

Я внимательно посмотрел на Юксаре. Впечатление он производил мягкое, небрежное и почти что светло-коричневое. Шляпа — очень ветхая — была украшена увядшими цветами. Похоже было, что Юксаре очень давно не мылся и это

вообще не входило в его планы.

Тут примчался Шуссель и завопил:

— Все к столу!

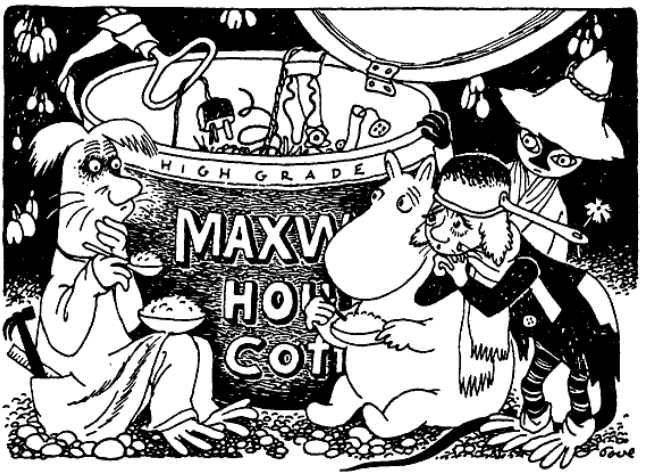
Юксаре проснулся и стал потягиваться, точь-в-точь как кошка.

— Хупп-хэфф, — приговаривал он, зевая.

— Простите, но что вы делаете на корабле Фредриксона? — грозно спросил Шуссель. — Вы что, не видели, что тут написано «Вход запрещён»?!

— Видел, конечно, — приветливо ответил Юксаре. — Потому я здесь.

Это происшествие многое говорит о Юксаре как о личности. Единственное, что могло пробудить его от полусонной кошачьей жизни, — это табличка с каким-либо запретом, закрытая дверь или стена; а если он замечал сторожа в парке, его усы начинали дрожать, и тут уж от него можно было ждать чего угодно. Всё же остальное время он, как вы поняли, спал, ел или предавался мечтам. В описанный мною момент Юксаре был преимущественно озабочен едой. Поэтому мы вернулись к банке Шусселя, где на видавшей виды шахматной доске покоился остывший омлет.



— Утром у меня был отличный пудинг, — объяснил Шуссель. — Но он куда-то подевался. Это так называемый скоростной омлет!

Шуссель разложил угощение на крышки от банок и стал напряжённо смотреть, как мы едим. Фредриксон жевал долго и с заметным усилием, и вид у него при этом был странный.

Наконец он сказал:

— Племянник. Что-то твёрдое.

— Твёрдое?! — вскрикнул Шуссель. — Наверное, что-то из моей коллекции… Выплюнь! Выплюнь скорей!

Фредриксон сплюнул на свою крышку два чёрных предмета с торчащими во все стороны зубцами.

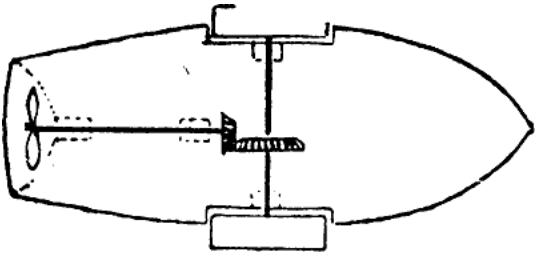
— О, сможешь ли ты простить меня? — воскликнул племянник. — Это мои шестерёнки. Какое счастье, что ты их не проглотил!

Но Фредриксон ничего не ответил — наморщив лоб, он долго смотрел перед собой. И тогда Шуссель заплакал.

— Ты уж прости племянника, — сказал Юксаре. — Видишь, как он расстроился.

— Простить? — воскликнул Фредриксон. — Наоборот!

Он взял бумагу и ручку и показал, как надо соединить шестерёнки, чтобы винт и колёса заработали. Вот что нарисовал Фредриксон (я надеюсь, вы понимаете, что он имел в виду).



А Шуссель закричал:

— Не может быть! Неужто мои шестерёнки пригодились для твоего изобретения!

Мы закончили трапезу в приподнятом настроении.

Племянник Фредриксона так воодушевился, что надел свой самый большой фартук и, не теряя ни минуты, принялся красить «Морской оркестр» в красный цвет. Он старался изо всех сил: вскоре красным уже был не только корабль, но и земля вокруг. Скажу больше: такого красного существа, каким стал он сам, я в жизни не видел. Название корабля было выведено ультрамарином.

Когда работа была закончена, Фредриксон подошёл посмотреть.

— Красиво, правда же? — проговорил Шуссель, взволнованно заглядывая ему в лицо. — Я очень старался! Я с головой ушёл в работу!

— Заметно, — признал Фредриксон, глядя на красного племянника.

Потом он посмотрел на кривую ватерлинию и сказал:

— Хм.

Потом посмотрел на название и добавил:

— Хм, хм.

— Что, я неправильно написал? — встревожился Шуссель. — Говори же скорей, а не то я опять запла́чу! Прости! «Морской оркестр» — такое трудное название!

— «Морзкой оркестор», — прочёл Фредриксон.

Потом подумал с минуту и сказал:

— Успокойся. Сойдёт.

Шуссель облегчённо вздохнул и кинулся к своему дому, чтобы покрасить его остатками краски.

Вечером Фредриксон поставил в ручье сеть. И можете представить себе наше изумление, когда в неё попался нактоуз — маленький ящичек для судовых приборов, в котором лежал барометр-анероид! Я до сих пор не перестаю удивляться этим поразительным находкам!

Папа закрыл тетрадь и выжидающе посмотрел

на слушателей.

— Ну как вам? — спросил он.

— По-моему, это будет замечательная книга, — серьёзно сказал Муми-тролль.

Он лежал на спине в сиреневой беседке и смотрел на шмелей. Было тепло и безветренно.

— Но признайся, многое ты просто выдумал, — сказал Снифф.

— Вовсе нет! — воскликнул Муми-папа. — То были совсем другие времена! Здесь каждое слово правда! Ну, разумеется, местами я добавил красок…

— Интересно, — проговорил Снифф, — где теперь папина коллекция.

— Какая коллекция? — не понял Муми-папа.

— Пуговичная коллекция моего папы, — повторил Снифф. — Хочешь сказать, Шуссель — не мой отец?

— Конечно, он твой отец, — ответил Муми-папа.

— Так куда же тогда девалась его драгоценная коллекция? Она должна была достаться мне по наследству.

— Хупп-хэфф, как говорил мой папа, — сказал Снусмумрик. — Почему ты так мало рассказываешь о Юксаре? Где он сейчас?

— Да кто же их разберёт, этих пап… — Муми-папа неопределённо взмахнул лапой. — Они приходят и уходят… Как бы то ни было, я сохранил их для потомков в своих мемуарах.

Снифф фыркнул.

— Выходит, Юксаре тоже не любил сторожей в парках, — задумчиво проговорил Снусмумрик. — Надо же…

Они вытянули ноги в траве и закрыли глаза, подставив лица солнцу. Было хорошо, слегка клонило в сон.

— Папа, — сказал Муми-тролль, — а неужели в те времена так странно разговаривали? «Представьте мое удивление», «послужат отрадой и уроком», «сие» и всякое такое.

— Что тут странного? — рассердился папа. — Думаешь, писатель может выражаться как попало?!

— Да, но иногда же ты выражаешься как все, — возразил его сын. — И Шуссель у тебя разговаривает нормально.

— Ерунда, — отмахнулся папа. — Это просто местный колорит. К тому же есть большая разница между тем, как мы о чём-то думаем, и тем, как мы об этом рассказываем. То есть, я хочу сказать, наши представления и рассуждения, когда мы

начинаем о них рассказывать, звучат совершенно иначе, и всё это очень зависит от настроения… Так мне кажется.

Папа замолчал и принялся взволнованно листать мемуары.

— Думаете, я выбрал слишком необычные слова? — спросил он.

— Ничего страшного, — сказал Муми-тролль. — Ведь это было давно, к тому же в целом-то понятно, что ты хотел сказать. Ты что-нибудь ещё написал?

— Пока нет, — ответил папа. — Но сейчас начнётся самое увлекательное. Я почти дошёл до дронта Эдварда и Морры. Где моё перо?

— Вот, — сказал Снусмумрик. — И, послушай, напиши побольше о Юксаре. Со всеми подробностями!

Муми-папа кивнул, положил тетрадь на траву и продолжил писать.

Тогда-то во мне и проснулся интерес к столярному делу. Этот особый дар, вероятно, был врождённым — я как бы ощущал его в кончиках пальцев. Первая проба таланта была скромной. Я нашёл на верфи подходящую деревяшку, взял нож и принялся вырезать горделивое украшение, впоследствии увенчавшее крышу ходовой рубки.

Оно имело форму луковицы и было покрыто аккуратной резьбой в виде рыбьей чешуи.

Фредриксон, к сожалению, почти ничего не сказал об этой важной детали оснастки судна, так как думал только о спуске на воду.

«Морзкой оркестор» был готов. Ослепительно красный в лучах солнца, он стоял на четырёх резиновых колёсах (которые призваны были спасти его на предательских песчаных отмелях) и радовал глаз. Фредриксон раздобыл где-то капитанскую фуражку с золотым галуном. Он ползал под брюхом корабля и взволнованно бормотал:

— Застрял. Так я и думал. Час от часу не легче.

Фредриксон говорил на удивление много — очевидно, он был чем-то серьёзно обеспокоен.

— Опять в путь, — зевнув, сказал Юксаре. — Хупп-хэфф! Что за жизнь! Вечно вам всё не так, переезжаете, мотаетесь туда-сюда, взад-вперёд, с утра до вечера. Такая бурная деятельность до добра не доведёт. Просто плакать хочется при одной мысли о тех, кто вкалывает день за днём в поте лица, — зачем это, спрашивается, нужно? Один мой родственник зубрил тригонометрию, пока усы не обвисли, а когда всё вызубрил, пришла какая-то морра и съела его. Вот и лежит он теперь в моррином брюхе вместе со своей учё-

ностью!

Слова Юксаре невольно наводят на мысль о Снусмумрике, который спустя некоторое время родился под той же ленивой звездой. Загадочный папа Снусмумрика никогда не беспокоился о том, что действительно заслуживало беспокойства, и палец о палец не ударил, чтобы остаться в памяти потомков (причём, как уже говорилось выше, и не остался бы, не напиши я о нём в своих мемуарах). Юксаре снова зевнул и сказал:

— Когда отчаливаем? Хупп-хэфф.

— А ты с нами? — спросил я.

— Естественно, — удивлённо ответил Юксаре.

— Простите, пожалуйста, — запинаясь, начал Шуссель, — я, как бы это сказать, тоже не против чего-то такого… Я больше не могу жить в кофейной банке!

— Вот как! — вымолвил я.

— Эта красная краска не сохнет на жести! — объяснил Шуссель. — Простите меня! Она теперь повсюду — в еде, в постели, в усиках… Я сойду с ума, Фредриксон, я сойду с ума!

— Не сходи. Лучше собери вещи, — сказал Фредриксон.

— О! — вскричал его племянник. — Сколько всего мне надо продумать, ужас, да и только.

Такое длинное путешествие… новая жизнь… — И Шуссель унёсся прочь, забрызгав всех краской.

Что ни говори, а надёжным наш экипаж назвать было трудно.

Правда, пока что «Морзкой оркестор» так и стоял на месте, резиновые колёса глубоко зарылись в песок, и корабль не сдвинулся ни на дюйм. Мы перекопали всю верфь (то есть лужайку), но это не помогло. Фредриксон сидел, опустив лицо в лапы.

— Прошу тебя, не грусти так душераздирающе, — сказал я.

— Я не грущу. Я думаю, — ответил Фредриксон. — Корабль застрял. Мы не можем спустить его на воду. Значит, вода должна прийти к кораблю. Как? Новое русло. Как? Запруда. Как? Кидать камни…

— Как? — услужливо продолжил я.

— *Нет!* — вдруг вскрикнул Фредриксон с таким пылом, что я подпрыгнул на месте. — Дронт Эдвард. Должен сесть в реку.

— У него что, *такой* большой зад? — спросил я.

— Ещё больше, — лаконично ответил Фредриксон. — У тебя есть календарь?

— Нет, — сказал я, волнуясь.

— Позавчера гороховый суп. Значит, сегодня у

него купальная суббота, — рассуждал Фредриксон. — Отлично. Скорей!

— А они свирепые, эти дронты? — осторожно спросил я, пока мы спускались к реке.

— Да, — ответил Фредриксон. — Но раздавить могут только по ошибке. Потом неделю рыдают. И платят за похороны.

— Сомнительное утешение, если ты уже превратился в лепёшку, — пробормотал я, ощутив прилив бесстрашия.

Но хитрое ли дело — бесстрашие, дорогие читатели, если страх неведом тебе от природы?

Вдруг Фредриксон остановился и сказал:

— Вот.

— Где? — спросил я. — Он живёт в этой башне?

— Это его нога, — объяснил Фредриксон. — Тихо, потому что сейчас я буду кричать. — И закричал что было мочи: — Э-ге-гей там, наверху! Тут, внизу, Фредриксон! Где ты сегодня купаешься?

И откуда-то сверху прогрохотал раскат грома:

— Как всегда, в море, песчаная блошка!

— Купайся в реке! Никаких камней! Хорошо, мягко! — проорал Фредриксон.

— Ложь и обман! — сказал дронт Эдвард. — Любая скрютта знает, какое каменистое дно в этой

треклятой морровой реке!

— Нет! Песчаное! — крикнул Фредриксон.

Дронт немного поворчал себе под нос, а потом сказал:

— Хорошо. Я искупаюсь в твоей реке, морра её раздери. Отойди в сторону, я и так уже разорился на похоронах. Если ты меня обманешь, блошиная куколка, оплачивать свои похороны будешь сам! Ты знаешь, какие у меня нежные пятки. А про зад я вообще молчу!

Фредриксон шепнул лишь одно слово:

— Беги!

И мы побежали. Никогда в жизни я не бегал так быстро. Я представил, как дронт Эдвард садится своим огромным задом на острые камни, представил его несусветную ярость, и какую он пустит гигантскую волну, и каким всё станет страшным и опасным, и решил, что надежды на спасение нет.

Вдруг раздался вопль, от которого волосы на затылке встали дыбом! А следом жуткий грохот! Волна захлестнула лес…

— На корабль! — крикнул Фредриксон.

Волна гналась за нами по пятам. Мы запрыгнули на борт, споткнувшись о Юксаре, который мирно спал на палубе, и едва успели втянуть свои хвосты, как всё судно накрыла белая шипящая пена. «Морзкой оркестор» встал на нос, треща и постанывая от ужаса.

В следующий миг гордый корабль поднялся из мха, всплыл и стремглав полетел через лес. Заработали лопасти, радостно закрутился винт: выходит, наши шестерёнки не подвели! Фредриксон крепкой лапой взялся за штурвал и повёл судно, лавируя между деревьями.

Это был ни с чем не сравнимый спуск на воду! На палубу сыпался дождь из цветов и листьев. Украшенный, словно к празднику, «Морзкой

оркестор» торжествующе плюхнулся в реку. С бодрым плеском мы вырулили прямо в фарватер.

— Ищи ме́ли! — крикнул Фредриксон (он нарочно хотел сесть на мель, чтобы испытать шарниры).

Я не сводил глаз с реки, но не видел ничего, кроме красной банки, прыгавшей по волнам перед носом нашего корабля.

— Это что ещё за банка? — спросил я.

— Что-то она мне напоминает, — проговорил Юксаре. — Не удивлюсь, если в ней окажется некий Шуссель.

Я повернулся к Фредриксону:

— Ты забыл своего племянника!

— Вот тебе раз, — сказал Фредриксон.

Из банки высунулась мокрая красная голова Шусселя. Он размахивал лапами, стучал зубами и от возбуждения чуть было не задушил сам себя собственным шарфом.

Мы с Юксаре перегнулись через борт и выловили банку. Она была изрядно тяжёлая, краска на ней до сих пор не высохла.

— Не испачкайте палубу, — сказал Фредриксон, когда мы затаскивали банку на борт. — Как ты себя чувствуешь, дорогой племянник?

— Ох, и не спрашивай! — запричитал Шус-

сель. — Только я начал собираться, а тут волна… Всё кувырком! Где мой лучший оконный шпингалет, где мой ёршик для чистки трубок? Вещи, нервы — всё вперемешку… Ужас, да и только.

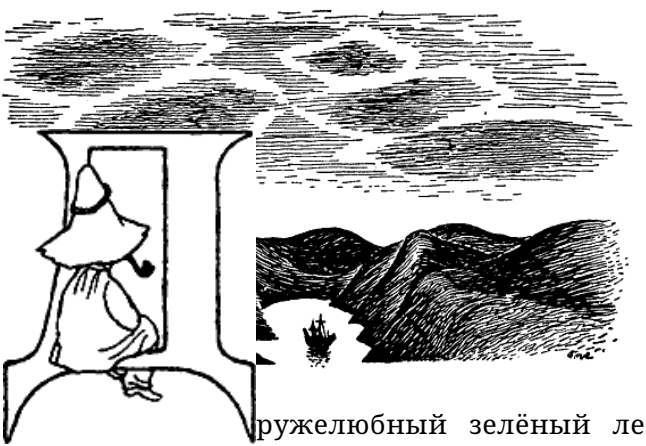
И Шуссель с некоторым удовлетворением начал раскладывать свою коллекцию по новой системе, в то время как «Морзкой оркестор» скользил дальше по реке, медленно перебирая колёсами. Я сел рядом с Фредриксоном и сказал:

— Надеюсь, мы больше не встретим дронта Эдварда. Как думаешь, он жутко на нас разозлился?

— А то, — отвечал Фредриксон.

ONE POUND

Глава третья,
в которой я рассказываю о своём первом подвиге — спасении утопающих — и о его волнительных последствиях, делюсь несколькими соображениями и описываю поведение клипдассов



Дружелюбный зелёный лес кончился. Всё сделалось огромным, странным и незнакомым; по отвесным берегам бродили урод-

ливые животные, которые мычали и фыркали нам вслед. Хорошо, что на «Морзком оркесторе» было два таких ответственных члена экипажа, как я и Фредриксон, — а то ведь Юксаре ни к чему не относился серьёзно, а интересы Шусселя не простирались дальше кофейной банки. Банку мы поставили на носу корабля, где она стала понемногу подсыхать на солнце. Самого Шусселя нам так и не удалось отчистить, и он навсегда приобрёл слегка розоватый тон.

Наш корабль медленно шлёпал вперёд, украшенный моей золочёной луковкой. Золотая краска, естественно, нашлась у Фредриксона — было бы странно, если бы в его хозяйстве на борту не оказалось такой важной вещи.

Обычно я сидел в рубке, глядя, как мимо проплывают берега со всевозможными странностями, и время от времени постукивая по барометру, или же ходил взад-вперёд по капитанскому мостику и думал.

Больше всего я думал о том, как потрясена была бы Хемулиха, увидев меня — искателя приключений и совладельца корабля. И поделом ей, честно говоря!

Однажды вечером мы вошли в глубокую пустынную бухту.

— Не нравится мне эта бухта, — сказал Юксаре. — У меня от неё Предчувствия.

— Предчувствия! — повторил Фредриксон тоном, который не поддаётся описанию. — Племянник! Бросай якорь.

— Сейчас, сию секунду! — крикнул Шуссель и выкинул за борт большую кастрюлю.

— Это был наш ужин? — уточнил я.

— О да, к несчастью! — воскликнул Шуссель. — Простите! В спешке так легко ошибиться! Я слишком разволновался… Но я угощу вас желе — вот бы только его найти…

Это происшествие очень точно характеризует шусселей.

Юксаре стоял на палубе, устремив горящий взор в сторону берега. Сумерки быстро опускались на гребни гор, которые катились к горизонту, подобно гладким одиноким волнам.

— Ну, как твои Предчувствия? — спросил я.

— Тихо! — сказал Юксаре. — Какие-то звуки…

Я навострил уши, но не разобрал ничего, кроме лёгкого шелеста ветра, долетевшего с суши, в снастях «Морзкого оркестора».

— Вроде ничего не слышно, — сказал я. — Давай зажжём керосиновую лампу.

— Я нашёл желе! — закричал Шуссель и выско-

чил из банки с миской в лапах.

В этот миг вечернюю тишину прорезал леденящий душу звук — жалобный, но таящий угрозу вой, от которого каждый волосок на загривке встал дыбом. Шуссель вскрикнул и выронил желе на палубу.

— Это Морра, — сказал Юксаре. — Поёт свою охотничью песню.

— Она умеет плавать? — спросил я.

— Никто не знает, — ответил Фредриксон.

Морра охотилась высоко в горах. Я никогда не слышал более пронзительного и одинокого звука. Он затихал и снова приближался, потом опять исчезал… Когда Морра замолкала, становилось ещё жутче. Я представлял себе, как в свете восходящей луны парит над землёй её тень.

На палубе похолодало.

— Смотрите! — крикнул Юксаре.

Кто-то выскочил на берег и заметался по мелководью.

— Будет съеден, — мрачно заметил Фредриксон.

— Но только не на глазах у муми-тролля! — с чувством воскликнул я. — Я спасу его!

— Не успеешь, — сказал Фредриксон.

Но я уже принял решение. Я вскочил на фальш-

борт и сказал:

— Могилы безымянных искателей приключений не украшают венками. Но поставьте в память обо мне хотя бы небольшой гранитный камень с изображением двух скорбящих хемулей!

А потом прыгнул в чёрную воду, поднырнул под кастрюлю Шусселя, которая сказала «бьонг!», выкинул из неё мясное рагу, сохраняя недюжинное хладнокровие, и стремительно поплыл к берегу, носом толкая кастрюлю перед собой.

— Мужайся! — крикнул я несчастному. — К тебе на помощь спешит муми-тролль! О, несправедливый мир, где моррам дозволено пожирать всех, кого заблагорассудится!

Наверху, на склоне горы, заскрежетали камни… Охотничья песнь Морры стихла, и теперь слышалось лишь жаркое пыхтение — всё ближе, ближе…

— Лезь в кастрюлю! — крикнул я несчастному.

Он прыгнул прямо в кастрюлю, и та ушла в воду по самые ручки. В темноте кто-то вцепился в мой хвост… я отдёрнул его… Ха! Славные подвиги! Безвестные деяния! И я пустился в историческое плавание к «Морзкому оркестору», где меня в тревоге ждали друзья.

Тот, кого я спас, был тяжёлый, очень тяжёлый.

Я плыл изо всех сил, вращая хвостом и ритмично двигая животом. Словно муми-вихрь, взлетел я над водой, был втянут на борт, шлёпнулся на палубу и вытряхнул спасённого из кастрюли, а оставшаяся на берегу Морра воем избывала свою досаду и голод (потому как плавать она всё-таки не умела).

Фредриксон зажёг керосиновую лампу — поглядеть, кого же я спас.

Это был страшный миг, едва ли не самый страшный за всю мою бурную молодость. Передо мной на мокрой палубе сидел не кто иной… точнее, не кто иная, как Хемулиха! Как говаривали в те времена: вот тебе и здрасьте!

Я спас Хемулиху.

В порыве неосознанного ужаса я поднял хвост под углом в сорок пять градусов, но, вспомнив, что я теперь вольный муми-тролль, беспечно выпалил:

— Приветик! Ничего себе! Вот так сюрприз! Кто бы мог подумать!

— Подумать что? — спросила Хемулиха, выгребая рагу из своего зонтика.

— Что я вас спасу, тётенька, — изумлённо проговорил я. — Ну то есть что вы, тётенька, будете спасены мною. Вы, тётя, получили моё письмо?

— Я тебе не тётя, — устало сказала Хемулиха. — Я тётя Хемулихи. И никакого письма я не получала. Ты небось забыл приклеить марку. Или написал не тот адрес. Или забыл его отправить. Если ты вообще умеешь писать… — Она поправила шляпку и милостиво добавила: — Но плавать ты умеешь.

— Вы знакомы? — осторожно спросил Юксаре.

— Нет, — ответила Хемулиха. — Кто это тут перемазал в желе всю палубу? Дай тряпку, ты, с ушами, — я вытру.

Фредриксон (ибо она имела в виду именно его) угодливо кинулся к ней с пижамой Юксаре, и тётка Хемулихи принялась тереть палубу.

— Я вне себя от злости, — объяснила она. — А когда я злюсь, единственное, что мне помогает, — это уборка.

Мы молча стояли у неё за спиной.

— Говорил я вам, что у меня Предчувствия, — пробормотал Юксаре.

Тогда Хемулихина тётка повернула к нам свою уродливую морду и сказала:

— Эй ты там, а ну-ка тихо. И не кури — не дорос ещё. Пей молоко, это полезно, если не хочешь, чтобы у тебя начали дрожать лапы, пожелтела морда и облысел хвост. Вам несказанно повезло, что вы меня спасли. Я тут у вас наведу порядок!

— Пойду проверю барометр, — проговорил Фредриксон.

Он быстро скользнул в рубку и закрыл за собой дверь.

Как оказалось, стрелка барометра в ужасе опустилась на сорок делений и осмелилась вновь подняться лишь после истории с клипдассами.

Но об этом я расскажу позже.

Похоже, не оставалось ни малейшей надежды избежать страданий, которых, по моему твёрдому убеждению, никто из нас не заслужил.

— Что ж, пока всё, — сказал Муми-папа своим обычным голосом и посмотрел на слушателей.

— Знаешь, — сказал Муми-тролль, — я уже начал привыкать к тому, что ты временами так странно выражаешься. Наверное, она была огромная, эта кастрюля… А когда ты закончишь свою книгу, мы разбогатеем?

— Ужасно разбогатеем, — серьёзно ответил Муми-папа.

— Тогда давайте честно всё разделим, — предложил Снифф. — Ведь главный герой твоей книги — Шуссель?

— А я думал, главный герой — Юксаре, — сказал Снусмумрик. — Надо же, я и не знал, какой прекрасный был у меня отец! И так приятно, что он похож на меня…

— Ваши старые папаши — всего лишь фон! — воскликнул Муми-тролль и пнул Сниффа под столом. — Пусть радуются, что их вообще упомянули в книге!

— Ты меня ударил! — закричал Снифф, ощетинив усы.

— Что вы делаете? — спросила Муми-мама, заглянув в гостиную. — Что-то случилось?

— Папа читает вслух о своей жизни, — объяснил Муми-тролль (с нажимом на слове «своей»).

— Ну и как вам? — спросила мама.

— Здорово! — ответил её сын.

— Вот-вот, и мне так кажется! — согласилась мама. — Только, дорогой, не читай ничего такого, из-за чего дети могут плохо о нас подумать. Вместо этого говори: «Точки, точки, точки». Принести тебе трубку?

— Не разрешай ему курить! — завопил Снифф. — Хемулихина тётка говорит, что от этого дрожат лапы, желтеет морда и лысеет хвост!

— Да ладно, — сказала Муми-мама. — Муми-папа курит всю свою жизнь и, как видишь, до сих пор не пожелтел и не облысел. Всё, что нравится, полезно для желудка.

Муми-мама зажгла папину трубку и открыла окно, чтобы впустить вечерний бриз с моря. А потом, насвистывая, ушла на кухню варить кофе.

— Как вы могли забыть Шусселя при спуске на воду? — с упрёком спросил Снифф. — Ему удалось потом навести порядок в своих пуговицах?

— Ещё как, и не раз, — ответил Муми-папа. — Он то и дело изобретал новые способы сортировки.

Раскладывал их по цветам, по размеру, по форме, или по материалу, или по тому, насколько они ему нравятся.

— Как здорово… — мечтательно проговорил Снифф.

— А вот меня огорчает, что у моего папы вся пижама перепачкалась в желе, — сказал Снусмумрик. — В чём же он потом спал?

— В моей, — ответил Муми-папа, выпуская к потолку большие облака дыма.

Снифф зевнул.

— Пошли охотиться на летучих мышей? — предложил он.

— Пошли, — согласился Снусмумрик.

— Пока, папа, — сказал Муми-тролль.

Муми-папа остался на веранде один. Он немного подумал, потом достал ручку и продолжил писать о своей молодости.

На следующее утро тётка Хемулихи была в чертовски хорошем настроении. Она разбудила нас в шесть и бодро протрубила:

— Доброе утро! Доброе утро!! Доброе утро!!! Все за дело! Начинаем! Сперва небольшой конкурс по штопке носков — да-да, я заглянула в ваши ящики. Потом несколько воспитательных игр в награду. Ну, что полезного у вас сегодня на

завтрак?

— Кофе, — сказал Шуссель.

— Каша, — поправила его тётка. — Кофе пьют только в дряхлой старости.

— Я знавал кое-кого, кто умер от каши, — пробормотал Юксаре. — Поперхнулся и погиб от удушья.

— Интересно мне, что сказали бы ваши мамы и папы, узнай они, что вы пьёте кофе, — сказала тётка Хемулихи. — Они бы рыдали! А как обстоят дела с вашим воспитанием? Вы воспитанные? Или как родились дикими, так и остались?

— Я рождён под совершенно особенными звёздами, — не преминул вставить я. — Меня нашли в маленькой ракушке, выстланной бархатом!

— Я не желаю, чтобы меня воспитывали, — твёрдо произнёс Фредриксон. — Я изобретатель. Я делаю что хочу.

— Простите! — вскрикнул Шуссель. — Но ни мама моя, ни папа вовсе не рыдают! Они погибли во время генеральной уборки!

Юксаре грозно набивал трубку.

— Ха! — сказал он. — Не люблю распоряжений. Сразу вспоминается сторож в парке.

Тётка Хемулихи смерила нас долгим взглядом. Потом медленно выговорила:

— С сегодняшнего дня я буду о вас заботиться.

— Не надо, тётенька! — закричали мы в один голос.

Но она покачала головой и произнесла ужасные слова:

— Это мой нехемульский Долг! — и отправилась на нос корабля — явно затем, чтобы выдумать для нас что-то адски воспитательное.

Мы забрались под тент от солнца, натянутый на корме. Нам было очень себя жалко.

— Отсохни мой хвост! Чтобы я ещё хоть раз кого-нибудь спас в темноте! — воскликнул я.

— Вовремя опомнился, — сказал Юксаре. — От этой тётеньки чего угодно жди. В один прекрасный день она выкинет мою трубку за борт и заставит меня работать! Её ничего не остановит!

— А Морра, случайно, не вернётся? — с надеждой прошептал Шуссель. — Или ещё кто-нибудь, кто любезно согласился бы съесть эту тётку? Простите, это прозвучало грубо, да?

— Да, — сказал Фредриксон. Но тут же серьёзно добавил: — Но в чём-то ты прав.

Мы погрузились в молчание, полное сочувствия к себе.

— Был бы я большим! — наконец воскликнул я. — Большим и знаменитым! Тогда мне любая

тётка была бы нипочём!

— А как стать знаменитым? — спросил Шуссель.

— О, да это нетрудно, — отвечал я. — Надо просто совершить что-то такое, до чего никто ещё не додумался… Или сделать что-то старое, но по-новому…

— Например, что? — уточнил Юксаре.

— Летающий корабль, — пробормотал Фредриксон, и его маленькие глазки мечтательно заблестели.

— Не думаю, что быть знаменитым так уж здорово, — рассудил Юксаре. — Вначале, может, ещё куда ни шло, но потом приедается, а под конец от этого только тошнит. Всё равно что кататься на карусели.

— А что это такое? — спросил я.

— Такая машина, — воодушевился Фредриксон. — Вот шестерёнки в разрезе. — И он взял карандаш и бумагу.

Увлечённость Фредриксона машинами — феномен, который никогда не переставал меня удивлять. Машины его зачаровывали. Мне же они всегда внушали чувство сродни ужасу. Водяное колесо — да, это понятно и симпатично, но, например, застёжка-молния не вызывает у

меня никакого доверия, будучи слишком близка миру машин. Юксаре рассказывал, что у одного его знакомого в брюки была вшита как раз такая застёжка и что однажды молнию заело и больше её расстегнуть уже не удалось. Ужас!

Но только я собрался изложить друзьям свои соображения касательно застёжки-молнии, мы услышали очень странный шум.

Это был тихий, приглушённый звук, словно где-то в отдалении гудела жестяная труба. Этот грозный гул было трудно с чем-либо перепутать.

Фредриксон выглянул из-под тента и молвил лишь одно роковое слово:

— Клипдассы!

Думаю, здесь уместны будут некоторые разъяснения (хотя любому разумному существу всё это и так прекрасно известно). Пока мы отдыхали под тентом, «Морзкой оркестор» медленно снесло в дельту реки, населённую клипдассами. Клипдассы — очень общительные существа, которые ненавидят одиночество. Своими клыками они роют в речном дне ходы и полости и устраивают там весьма уютные поселения. Клипдассы передвигаются на лапах-присосках и оставляют после себя липкие следы, за что некоторые — совершенно ошибочно — называют их липдассами

или клейлапами.

По натуре своей клипдассы добрые, но у них есть одна слабость — они грызут и кусают всё, что попадётся на глаза, особенно то, что они видят впервые. Есть у них и ещё одно неприятное качество: если ваш нос покажется им слишком большим, они непременно откусят и его тоже. Поэтому, предвидя встречу с ними, мы (по понятным причинам) очень забеспокоились.

— Сиди в банке! — крикнул Фредриксон своему племяннику.

«Морзкой оркестор» стоял совершенно неподвижно в окружении клипдассов. Они внимательно смотрели на нас круглыми голубыми глазами, грозно помахивали бакенбардами и топали по воде.

— Дайте дорогу, пожалуйста, — сказал Фредриксон.

Но клипдассы только теснее обступили корабль, а двое даже поползли на своих лапах-присосках вверх по бортовой обшивке. Когда первый из них добрался до верха, из-за рубки выскочила тётка Хемулихи.

— В чём дело?! — крикнула она. — Это ещё что за типчики? Я не позволю вам вмешиваться в наши воспитательные игры!

— Не пугай их. Разозлятся, — сказал Фредриксон.

— Это я разозлюсь! — крикнула тётка Хемулихи. — Пшли! Пшли! Вон отсюда! — И, размахнувшись, треснула клипдасса, который стоял к ней ближе всех, зонтиком по голове.

Все клипдассы сразу устремили взоры на тётку, явно изучая её нос. Насмотревшись на него, они снова загудели своим приглушённым трубным гудением. А потом всё произошло очень быстро.

Тысячи клипдассов хлынули на палубу. Тётка Хемулихи потеряла равновесие и, бешено размахивая зонтиком, повалилась на живой ковёр из клипдассовых спин, который понёс её прочь. Отчаянно крича, она перевалилась через борт, и вся честная компания умчалась навстречу новым судьбам.

На «Морзком оркесторе» снова воцарились тишина и покой, и корабль как ни в чём не бывало зашлёпал дальше.

— Ну что, — сказал Юксаре, — ты не собираешься её спасать?

Рыцарь внутри меня рвался немедленно броситься на помощь, но мои врождённые дурные инстинкты подсказывали, что это лишнее. Я пробормотал что-то невнятное: мол, спасать её уже поздно. И, честно говоря, так оно и было.

— Ага, — произнёс Фредриксон без особой уверенности.

— И больше её никто не видел, — подвёл черту Юксаре.

— Печальная история, — сказал я.

— Простите! Это я во всём виноват? — с искренним сожалением спросил Шуссель. — Ведь это я высказал надежду, что кто-то смилостивится над нами и съест её. Это очень плохо, что мы совсем не грустим?

Никто ему не ответил.

И теперь я хочу спросить вас, дорогие читатели: а как бы поступили в этой щекотливой ситуации вы?

Однажды я уже спас тётку Хемулихи, к тому же морра гораздо хуже клипдассов, которые на самом деле довольно милы… Быть может, смена обстановки только пойдёт тётке на пользу? Быть может, с маленьким носом она станет посимпатичнее? Вам так не кажется?

Но как бы то ни было, солнце светило, а мы драили палубу (которая стала страшно липкой от присосок клипдассов) и литрами хлебали вкусный крепкий чёрный кофе. «Морзкой оркестор» плавно огибал сотни сотен мелких островов.

— А они всё никак не кончаются, — сказал я. —

Куда мы плывём?

— Куда-нибудь, или какая-разница-куда, — сказал Юксаре, набивая трубку. — Что это меняет? Нам ведь вроде и так неплохо?

Не стану отрицать, что нам было неплохо, но мне хотелось дальше, вперёд! Хотелось, чтобы произошло что-то новое. Что угодно, лишь бы что-то происходило! (Кроме, разумеется, хемулей.)

Меня не покидала неприятная мысль, что все великие приключения беспрестанно, одно за другим, происходят где-то, где меня нет, — замечательные, яркие события, которые никогда не повторятся! Поэтому надо спешить, скорей! Сидя на самом носу корабля, я с нетерпением глядел в будущее, одновременно осмысливая обретённый опыт. Пока что он состоял из семи пунктов, а именно:

1. Важно следить, чтобы ваши муми-дети рождались в астрологически благоприятное время, и пусть их приход в этот мир будет романтичным! (Положительный пример: моя одарённая личность. Отрицательный пример: плетёная хозяйственная сумка, в которой меня нашли.)

2. Никто не желает слушать про хемулей, когда торопится. (Положительный пример: Фредриксон. Отрицательный пример: ежиха.)

3. Никогда не знаешь, что попадётся в сеть! (Положительный пример: нактоуз Фредриксона.)

4. Никогда не красьте ничего только потому, что у вас осталась краска. (Отрицательный пример: банка Шусселя.)

5. Не все большие существа опасны. (Положительный пример: дронт Эдвард.)

6. Даже маленькие существа бывают очень мужественны. (Положительный пример: я.)

7. Не спасайте никого в темноте! (Отрицательный пример: тётка Хемулихи.)

Пока я размышлял об этих важных истинах, наш корабль миновал последний островок, и вдруг сердце моё подпрыгнуло высоко-высоко, застряло где-то в горле, и я закричал:

— Фредриксон! Прямо по курсу море!

Наконец что-то происходит! Прямо передо мной лежало синее, сверкающее, полное приключений море.

— Какое большое, — сказал Шуссель и заполз в банку. — Простите, но моим глазам больно, и я совершенно сбит с толку!

А Юксаре закричал:

— Какое синее и мягкое! Давайте будем качать-

ся на волнах, спать и ни о чём не думать. Только плыть — вперёд и вперёд…

— Как хаттифнаты, — сказал Фредриксон.

— Кто-кто? — переспросил я.

— Хаттифнаты, — повторил Фредриксон. — Вечно куда-то плывут… Никакого покоя.

— В том-то и разница, — довольно заметил Юксаре. — Внутри у меня покоя хоть отбавляй! И я люблю спать. А хаттифнаты никогда не спят — не умеют. Говорить они тоже не умеют, они просто пытаются доплыть до горизонта.

— Ну и как, кому-нибудь из них это удалось? — спросил я, поёжившись.

— Кто его знает, — пожав плечами, ответил Юксаре.

Мы встали на якорь у скалистого берега. До сих пор у меня по спине пробегают мурашки, когда я шепчу про себя эти слова: «Мы встали на якорь у скалистого берега». Впервые в жизни я видел красные скалы и прозрачных медуз — маленькие загадочные парашютики с сердцем в форме цветка.

Мы сошли на берег собирать ракушки.

Фредриксон, конечно же, заявил, что хочет изучить место стоянки, но что-то подсказывает мне, что на самом деле его тоже интересовали ракуш-

ки. Между скалами мы обнаружили крохотные, скрытые от посторонних глаз песчаные пляжики, и вообразите себе радость Шусселя, когда он заметил, что каждый камушек здесь гладкий и круглый, как мячик или яйцо. Охваченный ни с чем не сравнимым собирательским счастьем, Шуссель снял с головы ковшик и всё собирал в него, собирал и собирал. Песок под прозрачной зелёной водой был аккуратно расчёсан в частую волнистую полоску, скала нагрелась на солнце. Ветер улёгся, и вместо горизонта впереди была лишь бесконечная светлая прозрачность.

В те времена мир был велик, а всё маленькое было куда приятнее в своей малости, нежели теперь, и нравилось мне гораздо больше. Если вы, конечно, понимаете, о чём я.

Сейчас меня посетила другая мысль, которая мне кажется важной. Возможно, тяга к морю — это особое муминистическое качество, и я с удовлетворением отмечаю, что оно передалось и моему сыну.

Но, дорогие читатели, обратите внимание, что наш восторг вызывает скорее берег.

Посреди моря горизонт для обычного мумитролля широковат. Нам больше нравится всё изменчивое и причудливое, чудно́е и непредска-

зуемое. Например, берег, в котором соединилось немного суши и немного моря, закат — в котором есть немного тьмы и немного света, и весна, где смешалось немного холода и немного тепла.

И вот снова пришли сумерки. Пришли осторожно и медленно, чтобы день успел спокойно улечься спать. По небу на западе были раскиданы маленькие облака, как шапочки взбитых сливок розоватого цвета, и всё это отражалось в море — зеркальном, гладком и вовсе не опасном.

— Ты когда-нибудь видел облако вблизи? — спросил я Фредриксона.

— Да, — ответил он. — В книге.

— Мне кажется, облака — как райские розочки, — заметил Юксаре.

Мы сидели рядом на скале. Приятно пахло водорослями и чем-то ещё — возможно, морем. Мне было так хорошо, что я даже не беспокоился о быстротечности всякого счастья.

— А ты счастлив? — спросил я Фредриксона.

— Здесь неплохо, — смущённо пробормотал Фредриксон (и я понял, что и он бесконечно счастлив).

Тут я увидел, как в море выходит огромная флотилия маленьких лодочек. Лёгкие, как бабочки, они скользили вперёд по своим собственным

отражениям. В каждой лодке, тесно прижавшись друг к другу и глядя на море, сидели безмолвные пассажиры, крошечные серо-белые существа.

— Хаттифнаты, — сказал Фредриксон. — Плывут на электричестве.

— Хаттифнаты, — взволнованно прошептал я. — Те, что плывут, плывут и никогда никуда не приплывают…

— Они заряжаются в грозу, — сказал Фредриксон. — Жгутся, как крапива.

— А ещё они живут разгульной жизнью, — сообщил Юксаре.

— Разгульной жизнью? — заинтересовался я. — Это как?

— Я толком не знаю, — ответил Юксаре. — Может, пьют пиво и вытаптывают чужие огороды.

Мы ещё долго смотрели на хаттифнатов, уплывавших вдаль, к горизонту. Во мне проснулось странное желание отправиться с ними в их загадочное путешествие и тоже пожить разгульной жизнью. Но об этом я промолчал.

— Так что насчёт завтра? — неожиданно спросил Юксаре. — Идём в открытое море?

Фредриксон задумчиво посмотрел на «Морзкой оркестор».

— Это речное судно, — вымолвил он. — Колёс-

ное. Парусов нет…

— А мы бросим жребий, — сказал Юксаре и встал. — Шуссель! Поди-ка сюда, принеси нам пуговицу!

Шуссель играл на мелководье, но пулей выскочил из воды и начал вытряхивать свои карманы.

— Одной вполне достаточно, дорогой племянник, — сказал Фредриксон.

— Выбирайте любую! — восторженно воскликнул Шуссель. — Какую хотите — с двумя или четырьмя дырочками? Костяную, плюшевую, деревянную, стеклянную, металлическую или перламутровую? Одноцветную, пёструю, в крапинку, полосатую или в клеточку? Круглую, выгнутую, вогнутую, плоскую, восьмиугольную или…

— Обычную брючную, — перебил его Юксаре. — Всё, бросаю. Если упадёт лицевой стороной вверх, значит, выходим в море. Ну что там?

— Дырочками кверху, — объяснил Шуссель и почти уткнулся в пуговицу носом, чтобы получше разглядеть её в сумерках.

— Да ну тебя, — сказал я. — Как она легла?

Но тут Шуссель дёрнул усиками, и пуговица соскользнула в расселину в скале.

— Простите! — закричал Шуссель. — Ужас, да и только. Хотите, я дам вам новую?

— Да нет, — сказал Юксаре. — Жребий можно бросать только один раз. Теперь уж пусть этот вопрос решится сам собой, потому что я хочу спать.

Мы провели крайне неприятную ночь на борту. Когда я сунул ноги в койку, одеяло было липкое,

словно его полили сиропом. Липким было всё: дверные ручки, зубная щётка и тапочки, а бортовой журнал Фредриксона склеился так, что его невозможно было открыть!

— Племянник! — сказал он. — Как ты сегодня убирал?!

— Извини! — укоризненно воскликнул Шуссель. — Но я вообще не убирал!

— Не табак, а какая-то каша, — пробормотал Юксаре, который любил курить в постели.

Всё это действительно было очень неприятно. Однако понемногу мы пришли в себя и улеглись, свернувшись калачиком, в наименее липких местах. Но всю ночь нас беспокоили странные звуки, исходившие, как казалось, из нактоуза. Я проснулся от ударов рынды[6], звеневшей необычным и роковым звоном.

— Вставайте! Вставайте! Только взгляните! — кричал Шуссель из-за двери. — Повсюду вода! Большая и бесконечная! А я забыл свою лучшую перочистку на пляже! Лежит там сейчас совсем одна, бедненькая…

Мы кинулись на палубу.

---

[6] Примечания: 6

Рындой моряки называют судовой колокол, в который бьют каждые полчаса или в случае тревоги, а также если вокруг туман. *(Примеч. ред.)*

«Морзкой оркестор» шёл вперёд по морю, шлёпая своими колёсами, спокойно, уверенно и, как мне показалось, с некоторым тайным наслаждением.

По сей день для меня остаётся загадкой, как наш корабль, оснащённый всего лишь двумя маленькими шестерёнками, мог развить такую высокую скорость — причём ладно ещё на реке с течением, но на море? С другой стороны, если хаттифнату для перемещения достаточно его собственного электричества (которое кто-то называет тоской или беспокойством), то стоит ли удивляться, что корабль может двигаться при помощи двух шестерёнок? Но оставим эту тему и перейдём к тому, как Фредриксон, наморщив лоб, изучал лопнувший якорный конец.

— Я возмущён, — сказал он. — Очень. Я вне себя от злости. Его перегрызли!

Мы посмотрели друг на друга.

— Ты же знаешь, у меня слишком маленькие зубы, — сказал я.

— А я слишком ленив, чтобы грызть такой толстый канат, — заметил Юксаре.

— Это не я! — закричал Шуссель, которому совершенно не нужно было ни в чём оправдываться. Ему и так все всегда верили, потому что он

никогда никого не обманывал, даже когда речь заходила о размерах его пуговичной коллекции (что само по себе поразительный факт, ведь он был истинным коллекционером). Вероятно, у шусселей слишком бедное воображение.

И вдруг мы услышали лёгкое покашливание и, обернувшись, увидели крошечного клипдасса. Тот сидел под тентом и моргал.

— Вот как, — сказал Фредриксон. — Вот, значит, как?! — повторил он, подчёркивая каждое слово.

— У меня режутся зубы, — смущённо объяснил малыш. — Мне просто необходимо что-нибудь грызть!

— Но почему именно якорный канат? — недоумевал Фредриксон.

— Он был такой старый, — сказал клипдасс, — я подумал, что его уж точно не жалко.

— А почему ты спрятался на борту? — поинтересовался я.

— Не знаю, — искренне ответил клипдасс. — Я вообще чудаковат.

— И где же ты спрятался? — спросил Юксаре.

И тогда клипдасс рассудительно отвечал:

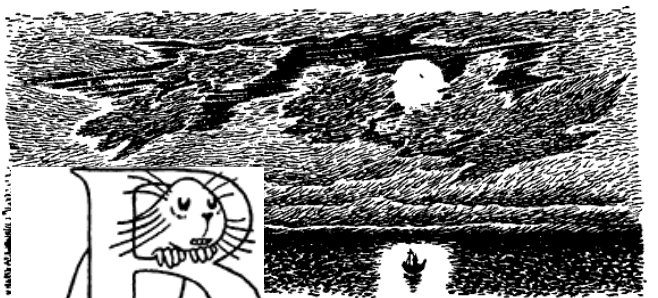
— В вашем превосходном нактоузе!

(И это сущая правда — нактоуз был тоже весь липкий.)

— Послушай, клипдасс, — сказал я в заключение этого удивительного разговора, — как ты думаешь, что скажет твоя мама, когда заметит, что ты сбежал?

— Думаю, она будет плакать, — ответил клипдасс.

Глава четвёртая, *в которой моё морское путешествие подходит к своей наивысшей точке — великолепной картине шторма — и завершается кошмарной неожиданностью*



Вперёд, через море лежал одинокий путь «Морзкого оркестора». Плавно покачиваясь на волнах, дни проплывали мимо, солнечные, сонные и синие. Перед носом корабля суетливо метались стайки морских привидений, а за кормой тянулась хихикающая вереница

русалок, которым мы бросали овсяные хлопья. Мне нравилось сменять Фредриксона у штурвала, когда на море наползала ночь. Палуба в лунных бликах, которая медленно покачивалась вверх-вниз, тишина, бегущие волны, облака и торжественный круг горизонта — всё это вселяло приятное и будоражащее чувство бесконечной собственной значимости и бесконечной же ничтожности (хотя скорее всё-таки значимости).

Иногда в темноте вспыхивала трубка Юксаре, и он тихо приходил на корму и садился рядом.

— Согласись, приятно ничего не делать, — както раз такой ночью сказал он, выбивая трубку о фальшборт.

— Но мы же делаем! — ответил я. — Я рулю. А ты куришь.

— Куда ты только рулишь, непонятно, — отозвался Юксаре.

— Это другой вопрос, — заметил я, ибо уже тогда обладал склонностью к логическому мышлению. — Ведь мы говорим не о том, что мы делаем, а о том, делаем ли мы что-нибудь вообще. А что, у тебя опять Предчувствия? — забеспокоился я.

— Да нет, — зевнув, ответил Юксаре. — Хуппхэфф. Мне совершенно всё равно, куда мы приплывём. Все места хороши. Спокойной ночи.

— Пока, — сказал я.

Когда на рассвете Фредриксон пришёл сменить меня у штурвала, я вскользь обмолвился об этом удивительном качестве Юксаре — полном отсутствии интереса к происходящему.

— Хм, — сказал Фредриксон. — А может, наоборот, ему интересно всё? Потихоньку и в меру? Каждого из нас заботит что-то одно. Ты хочешь кем-то стать. Я хочу что-то делать. Мой племянник хочет что-то иметь. А Юксаре — просто жить.

— Жить, скажешь тоже! Это любой может, — парировал я.

— Хм, — отозвался Фредриксон. И с головой погрузился в своё обычное молчание и в блокнот, где рисовал странные машины, похожие на паучьи сети и летучих мышей.

Что ни говори, а позиция Юксаре представляется мне в некотором смысле безалаберной — я имею в виду вот это его «просто жить». Ведь мы и так живём. Для меня суть проблемы вот в чём: мы постоянно окружены множеством важных и значительных вещей, которые надо успеть прочувствовать, продумать и покорить; нам открыто столько возможностей, что шёрстка шевелится на загривке, и в центре всего этого я сам — разу-

меется, самое важное и значительное.

Сейчас, спустя годы, меня несколько беспокоит, что возможностей остаётся всё меньше. Интересно, с чем это связано? Хотя, несмотря ни на что, я по-прежнему остаюсь в центре — какое-никакое утешение.

Однако вернёмся к нашему рассказу. Утром Шуссель предложил отправить телеграмму клипдассовой маме.

— Нет адреса. Нет телеграфа, — сказал Фредриксон.

— Ну конечно! — воскликнул Шуссель. — Какой же я дурак! Простите! — И, устыдившись, снова забрался в банку.

— Что такое телеграф? — спросил Клипдасс, деливший банку с Шусселем. — Он съедобный?

— Ой, не спрашивай меня! — сказал Шуссель. — Это что-то большое и странное. Оно отправляет такие маленькие значки на другую сторону земли… и там они превращаются в слова!

— Как отправляет? — поинтересовался Клипдасс.

— По воздуху! — расплывчато объяснил Шуссель и замахал лапками. — Ничего по дороге не теряется!

— Ого, — удивился Клипдасс. А потом весь день

вертел головой, высматривая в воздухе телеграфные значки.

К трём часам дня Клипдасс заметил большое облако. Оно шло нам навстречу над самой водой — белое, как мел, пушистое, как мех, и с виду совершенно неестественное.

— Облако из книжки-картинки, — сказал Фредриксон.

— Ты читал книжки-картинки? — удивлённо спросил я.

— Конечно, — ответил он. — «Путь через Океан».

Облако проплыло мимо нас с наветренного борта. Потом остановилось.

И вдруг случилось кое-что довольно необычное, чтобы не сказать ужасное: облако развернулось и устремилось за нами в погоню!

— Простите, а облака — они не злобные? — испуганно спросил Шуссель.

Никто из экипажа не имел мнения на этот счёт. Облако следовало за нами, потом прибавило скорости, перевалило через фальшборт и мягко плюхнулось на палубу, целиком похоронив под собой банку Шусселя. Потом это непонятное создание устроилось поудобнее, потрясло боками, расползлось от борта до борта, обмякло и — отсох-

ни мой хвост! — в следующий миг уснуло прямо у нас на глазах!

— Ты когда-нибудь видел такое? — спросил я Фредриксона.

— Никогда, — ответил он решительно и очень недовольно.

Клипдасс подошёл поближе, куснул облако за бок и сказал, что на вкус оно как мамин ластик.

— Мягкое, и то хорошо, — сказал Юксаре.

Взбив себе уютное местечко для сна, он устроился на ночлег, и облако тут же его укутало, как нежное одеяло из гагачьего пуха. Похоже, мы ему понравились.

Однако это загадочное интермеццо[7] сильно затруднило нашу навигацию.

В тот же день прямо перед закатом небо стало какое-то странное. Жёлтое, но не приятно жёлтое, а грязное и немного призрачное. Вдали над горизонтом, грозно нахмурив брови, маршировали чёрные тучи.

Мы сидели под тентом. Шусселю и Клипдассу наконец удалось откопать свою банку и откатить её на корму, где всё ещё было безоблачно.

Под расплывчатым солнечным диском гуляло чёрно-серое море, в штагах[8] тревожно пел ветер. Русалок и морских привидений и след простыл. Всем нам было не по себе.

Фредриксон взглянул на меня и сказал:

— Эй. Проверь барометр.

Я перелез через облако и, поднатужившись, открыл дверь в рубку. Представьте себе мой ужас, когда я увидел, что стрелка барометра указывает на 670 — самую низкую отметку!

---

[7] Примечания: 7

Вообще-то, *интермеццо* — это короткое смешное представление, которое разыгрывают между актами оперы, или музыкальная пьеса. В каком смысле это красивое иностранное слово использовано Мумипапой в его мемуарах, доподлинно неизвестно. *(Примеч. ред.)*

[8] Примечания: 8

Штаги — крепкие тросы, соединяющие верхушку мачты с кормой и носом корабля. *(Примеч. ред.)*

Я почувствовал, как мордочка моя холодеет от напряжения, и подумал: я наверняка побледнел… Стал белый, как простыня, или серый, как пепел. Вот это да… Потом быстро пробрался на корму и закричал:

— Вы заметили, что я стал белый, как простыня?

— По-моему, ты всегда такой, — сказал Юксаре. — Что там барометр?

— Шестьсот семьдесят, — ответил я, как вы понимаете, слегка уязвлённый.

Меня всегда удивляло, что самые драматические мгновения в жизни столь часто бывают обесценены будничными, почти уничижительными комментариями. Пусть обронёнными без злого умысла, но явно необдуманно. Лично я считаю, что нелишне чуточку сгустить краски, когда рассказываешь о чём-то пугающем. Отчасти для местного колорита, о котором я упоминал выше, отчасти потому, что если преувеличить страшное, то страх, как ни странно, отступает. К тому же я люблю удивить слушателей. Юксаре, естественно, этого никогда не понять. Однако природа наделила нас разумом неравномерно — кому-то досталось больше, кому-то меньше; да и кто я такой, чтобы судить о неясном предназна-

чении Юксаре.

Тем временем Фредриксон помахивал ушами и принюхивался к ветру. С нежной тревогой глядел он на «Морзкой оркестор». А потом сказал:

— Прочный. Выдержит. Шуссель и Клипдасс пусть сидят в банке под крышкой. Сейчас начнётся шторм.

— А ты когда-нибудь попадал в шторм? — осторожно спросил я.

— Конечно, — ответил Фредриксон. — В книжке-картинке «Путь через Океан». Выше волн, чем там, не бывает.

А потом налетел шторм, внезапно, как все настоящие шторма. Застигнутый врасплох, «Морзкой оркестор» поначалу потерял было равновесие, но очень скоро наш замечательный речной корабль разобрался, что к чему, и, прилагая недюжинные усилия, зашлёпал дальше, навстречу буйству стихий.

Тент, подобно листку, сорвался с палубы и унёсся вдаль. (Это был хороший тент. Надеюсь, кто-нибудь нашёл его и порадовался.) Банка Шусселя закатилась под фальшборт, и всякий раз, когда «Морзкой оркестор» нырял вниз или взлетал на гребень очередной волны, все пуговицы, чулочные резинки, консервные ножи, гвозди

и бусины страшно грохотали. Шуссель кричал, что его укачало, но помочь ему никто не мог. Мы стояли, крепко вцепившись во что попало, и в ужасе смотрели на помрачневшее море.

Солнце пропало. Горизонт пропал. Всё вокруг стало незнакомым, чуждым, враждебным. Мимо проносились шипящие проблески пены, а за бортом царил чёрный, непостижимый хаос. Я вдруг с ужасающей ясностью понял, что ничегошеньки не знаю ни о море, ни о кораблях. Я звал

Фредриксона, но он меня не слышал, я остался совсем один, никому не нужный, и не важно, что это был, без сомнения, самый драматический миг в моей жизни. Я не чувствовал ни малейшего желания преувеличивать страшное. Наоборот, дорогие читатели! Быть может, сгущать краски стоит, лишь будучи зрителем? И поэтому я быстро решил, наоборот, всё преуменьшить, и подумал: если я закрою глаза и притворюсь, что я — никто и что никому нет до меня дела, то, возможно, всё прекратится… И правда, какое всё это имеет ко мне отношение? Ведь я тут просто по ошибке… Я закрыл глаза и, сжавшись в комочек, повторял снова и снова: ничего страшного, я маленький, я сижу на качалке в саду у Хемулихи, и скоро меня позовут есть овсянку…

— Эй! — заорал Фредриксон сквозь шторм. — Они меньше!

Я не понял его.

— Меньше! — снова крикнул он. — Волны куда меньше, чем в книжке-картинке!

Но я не видел волн в его книжке-картинке, а потому так и стоял, зажмурившись и вцепившись в садовую качалку Хемулихи. И мне полегчало. Вскоре я действительно почувствовал, что качалка мерно раскачивается вверх-вниз, буря стихла

и опасность миновала.

Тут я открыл глаза, и взору моему предстало невероятное зрелище. «Морзкой оркестор» парил в воздухе под гигантским белым парусом. Далеко внизу шторм всё так же швырял чёрные валы. Только теперь он похож был на маленький игрушечный шторм, который не имел к нам никакого отношения.

— Летим! Летим! — закричал Фредриксон. Он стоял рядом со мной и смотрел на огромный белый шар на мачте.

— Как ты поднял туда облако? — спросил я.

— Само поднялось, — ответил он. — Летающий речной корабль!..

И Фредриксон погрузился в раздумья.

Ночь светлела. Небо стало серым, было очень холодно. Я начал потихоньку забывать, что совсем недавно пытался спрятаться в садовой качалке Хемулихи. Я снова ощутил уверенность в себе и любопытство, и мне очень захотелось кофе. Было в самом деле ужасно холодно. Я осторожно потряс лапами и проверил хвост и уши. Всё цело.

Юксаре тоже не пострадал, он сидел за банкой Шусселя и пытался раскурить свою трубку.

Но «Морзкой оркестор» был в плачевном состоянии. Мачта сломалась. Колёса отвалились.

Оборванные штаги грустно болтались на ветру, а фальшборт кое-где помялся. На палубе валялись водоросли, обломки, кувшинки и несколько морских привидений, лишившихся чувств. Но хуже всего было то, что золотая луковка на крыше ходовой рубки исчезла.

Мало-помалу наше облако сдулось, и корабль начал спускаться. Небо на востоке покраснело, мы качались на длинных волнах, и я слышал, как в банке Шусселя гремят пуговицы. Белое облако из книжки-картинки снова уснуло на палубе.

— Дорогая команда, — торжественно сказал Фредриксон. — Мы выдержали шторм. Выпустите моего племянника из банки.

Мы открыли банку, и оттуда вылез несчастный зеленолицый Шуссель.

— Святая пуговица, — молвил он устало. — За что мне такие страдания? Не жизнь, а сплошные тревоги и муки… Только взгляните на мою коллекцию!.. Ужас, да и только.

Клипдасс тоже вылез и, понюхав, чем пахнет ветер, чихнул.

— Есть хочу, — сказал он.

— Простите! — выкрикнул Шуссель. — От одной мысли о приготовлении пищи…

— Успокойся, — сказал я. — Я сварю кофе.

Пробираясь на нос корабля, я дерзко взглянул на море поверх помятого фальшборта и подумал: теперь я кое-что о тебе знаю! И о кораблях тоже! И о тучах! В следующий раз я не закрою глаза и не сожмусь в комок!

Когда кофе был готов, над землёй встало солнце. Доброе и приветливое, оно пригрело мой замёрзший живот и вернуло мне мужество. Я вспомнил, как оно озарило мой первый день свободы после исторического побега и как светило в то утро, когда я построил дом на песке. Я рождён в августе, под гордыми знаками Льва и Солнца, и мне предначертано идти по приключенческой стезе, указанной моими личными звёздами.

А всякие там шторма — ерунда! Они, должно быть, только затем и нужны, чтобы потом увидеть восход. Ходовую рубку украсит новая луковка. Я пил кофе и был очень доволен.

Но страница перевёрнута, и я подошёл к новой главе своей жизни. Прямо по курсу была земля, большой одинокий остров среди моря! Гордый силуэт чужого берега!

Я встал на голову и закричал:

— Фредриксон! Опять что-то новенькое!

Шусселю сразу полегчало, и он начал готовить банку к спуску. Клипдасс от волнения кусал себя

за хвост, а меня Фредриксон усадил полировать все металлические детали оснастки, которые уцелели после шторма (Юксаре же вообще ничего не делал). Нас несло прямо к незнакомому берегу. Наверху, на высокой горе, мы увидели что-то похожее на маяк. Маяк медленно двигался, вытягиваясь то вправо, то влево, — довольно странный феномен. Но у нас было полно дел, и мы быстро о нём позабыли.

Когда «Морзкой оркестор» причаливал к берегу, мы выстроились на борту, причёсанные, с вычищенными зубами и хвостами.

И тут у нас над головами грохочущий голос произнёс страшные слова:

— Ха! Раздери меня морра, если это не Фредриксон и его треклятая компашка! Наконец-то вы мне попались!

Вот тебе и здрасьте! Это оказался дронт Эдвард, и он был ужасно зол.

— Такие вот дела творились в моей молодости! — сказал Муми-папа и захлопнул тетрадь.

— Почитай ещё! — закричал Снифф. — Что было потом? Дронт небось хотел вас расплющить насмерть?

— Об этом вы узнаете в следующий раз, — загадочно ответил Муми-папа. — Увлекательно,

правда? Видишь ли, один из главных писательских приёмов заключается в том, чтобы закончить главу на самом страшном месте.

Муми-папа сидел на берегу с сыном, Снусмумриком и Снифф ом. Пока он читал им про ужасающий шторм, дети поглядывали на море, которое суетливо, словно предчувствуя близость осени, гнало свои волны к берегу.

Им казалось, что они видят, как, подобно кораблю-призраку, сквозь бурю летит «Морзкой оркестор» с их папами на борту.

— Как же, наверное, тошно ему было в этой банке, — пробормотал Снифф.

— Холодно, — сказал Муми-папа. — Пройдёмся?

Они зашагали по водорослям в сторону мыса, и ветер подгонял их в спину.

— Ты умеешь гудеть, как клипдасс? — спросил Снусмумрик.

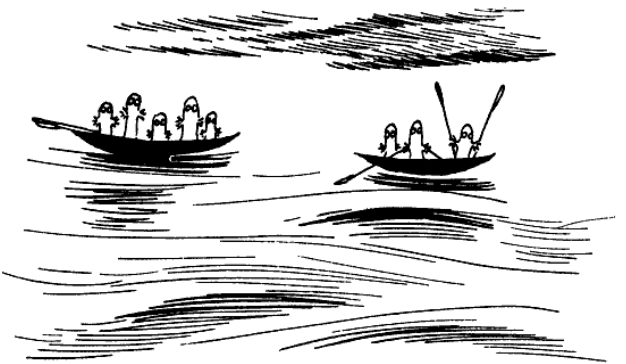
Муми-папа попробовал.

— Эх, нет, — расстроился он. — Не то. Звук должен быть как из жестяной трубы.

— А по-моему, немного похоже, — сказал Муми-тролль. — Папа, а разве ты не бежал потом с хаттифнатами?

— Возможно, сынок, — смутился Муми-папа. —

Но это было позже, много позже. И вообще, этот эпизод я предпочёл бы опустить.



— Даже не думай! — воскликнул Снифф. — И что, позже ты жил разгульной жизнью?

— Тихо ты, — сказал Муми-тролль.

— Точки, точки, точки, — сказал его папа. — Смотрите, море что-то выкинуло на берег! Бегите и подберите скорей!

И они побежали.

— Что это за штука? — спросил Снусмумрик.

Штука оказалась большой, тяжёлой и похожей на луковицу. Она наверняка долгие годы плавала по морю, потому что вся обросла водорослями и ракушками. Кое-где на растрескавшемся дереве виднелись остатки золотой краски.

Муми-папа поднял луковицу и принялся рассматривать. И пока он смотрел, его глаза становились всё шире и шире, и наконец он прикрыл их лапой и вздохнул.

— Дети, — произнёс он торжественно и слегка растерянно, — перед вами луковка, украшавшая ходовую рубку речного корабля «Морзкой оркестор».

— О! — благоговейно вымолвил Муми-тролль.

— А теперь, — продолжил Муми-папа, захваченный воспоминаниями, — думаю, мне пора начать новую большую главу и в одиночестве поразмыслить над этой находкой. Бегите поиграйте в гроте!

И пошёл дальше к мысу, зажав под одной лапой луковицу, а под другой — свои мемуары.

— Ох и удалой же я был парень! — сказал он себе под нос. — Впрочем, я и сейчас ещё очень даже ничего! — добавил он, весело притопнув.

Глава пятая,
где я (пройдя небольшую проверку на сообразительность) описываю семейство Мюмлы и Большой Праздник Сюрпризов, на котором я из рук самого Самодержца получил волшебный почётный дар

и по сей день твёрдо убеждён, что дронт Эдвард хотел на нас сесть. Потом он наверняка бы горько плакал и устроил нам шикарные похороны, тщетно пытаясь примириться

со своей совестью. И, вне всяких сомнений, очень быстро позабыл бы об этом печальном случае и точно так же уселся на других своих знакомых, которые умудрились ему чем-то не угодить.

Как бы то ни было, в самый решающий миг меня осенила прекрасная мысль. Как всегда, раздался щелчок: клац! — и мысль готова. Я решительно приблизился к этой разъярённой горе и хладнокровно произнёс:

— Привет, дяденька! Как славно снова с вами встретиться. А что, у вас всё ещё болят пятки?

— И ты смеешь меня об этом спрашивать? — взревел дронт Эдвард. — Ты! Водяная блошка! Да! У меня болят пятки! Да, у меня болит зад! И это вы во всём виноваты!

— В таком случае, — не теряя самообладания, продолжил я, — вы, дяденька, необычайно обрадуетесь нашему подарку — настоящему спальнику из гагачьего пуха! Специально созданному для дронтов, которые случайно сели на что-то острое!

— Спальник? Из гагачьего пуха? — переспросил дронт Эдвард и, близоруко сощурившись, посмотрел на наше облако. — Вы, конечно же, снова хотите обмануть меня, морровы посудные щётки! Эта перина небось набита острыми камнями… —

Он затащил облако на берег и подозрительно принюхался.

— Садись, Эдвард! — крикнул Фредриксон. — Хорошо, мягко!

— Это я уже слышал, — проворчал дронт. — «Хорошо, мягко!» Так ты тогда и сказал. И чем всё кончилось? Это было самое острое, самое каменистое, чертовски колкое и кочковатое, морра его раздери…

Дронт Эдвард сел на облако и погрузился в задумчивое молчание.

— Ну как? — сгорая от нетерпения, закричали мы.

— Хр-румпф, — угрюмо отозвался дронт. — Местами даже почти мягко. Посижу ещё немного, пока не решу, издеваетесь вы или нет, морровы блошки.

Но когда дронт Эдвард принял решение, мы уже были очень далеко от того злополучного места, где могли потерпеть крах все мои надежды и устремления.

Сойдя на берег чужой страны, мы не увидели почти ничего, кроме круглых, поросших травой горок, по которым вдоль и поперёк тянулись длиннющие каменные изгороди, достойный результат добросовестной работы. Зато редкие

домишки были построены из соломы и, на мой взгляд, довольно-таки халтурно.

— Зачем они нагородили эти заборы? — удивился Юксаре. — Они что, кого-то запирают? Или не впускают? И куда, кстати, все подевались?

Вокруг было тихо, ни малейшего намёка на взбудораженную толпу, которая должна была бы наброситься на нас с расспросами, кто мы такие да как пережили шторм, восхищаться нами и сочувствовать. Я был крайне разочарован и думаю, что остальные разделяли мои чувства. Однако, проходя мимо домика, который построен был — если такое только возможно — ещё халтурнее, чем остальные, мы услышали звук, который ни с чем не спутаешь: кто-то играл на гребёнке. Мы постучали четыре раза, но никто не открыл.

— Э-эй! — крикнул Фредриксон. — Кто-нибудь дома?

— Не-а! Вообще никого нет! — ответил тоненький голосок.

— Вот странно, — заметил я. — Кто же это сказал?

— Это дочь Мюмлы, — ответил голосок. — Уходите поскорее, потому что без мамы мне нельзя никому открывать!

— А мама где? — спросил Фредриксон.

— На садовом празднике, — грустно сказал голосок.

— Почему же она не взяла тебя с собой?! — возмутился Шуссель. — Ты, что ли, ещё слишком маленькая?

Тогда дочь Мюмлы расплакалась и воскликнула:

— У меня болит горло! Мама думает, это дифтерия!

— Открой дверь, — ласково сказал Фредриксон. — Мы посмотрим твоё горло. Не бойся.

Дочка Мюмлы отворила дверь. Шея у неё была обвязана шерстяным платком, а глаза совсем покраснели от слёз.

— Так-так, — сказал Фредриксон. — Открой рот. Скажи «а-а-а-а»!

— А может, сыпной тиф или холера, говорит мама, — уныло пробормотала дочь Мюмлы. — А-а-а-а!

— Сыпи нет, — констатировал Фредриксон. — Болит?

— Нестерпимо, — простонала дочь Мюмлы. — Моё горло скоро зарастёт, вот увидите, и я не смогу дышать, и есть, и говорить тоже не смогу.

— Сейчас же ложись в постель, — в ужасе ска-

зал Фредриксон. — Мы немедленно приведём твою маму!

— Нет, не надо! — воскликнула дочь Мюмлы. — Я пошутила. Я вовсе не больна. Меня не взяли на праздник, потому что я такой трудный ребёнок, что даже мама не выдерживает!

— Пошутила? Зачем? — не понял Фредриксон.

— Чтобы хоть немного повеселиться! — сказала маленькая дочка Мюмлы и снова зарыдала. — Мне так скучно!

— А давайте возьмём её с собой и вместе сходим на этот праздник, — предложил Юксаре.

— А вдруг Мюмла рассердится? — возразил я.

— Не рассердится! — в восторге закричала её дочь. — Мама обожает иностранцев. К тому же она наверняка уже забыла о том, какой я трудный ребёнок. Она вечно всё забывает!

Дочка Мюмлы размотала шерстяной платок и выбежала на улицу.

— Скорей! — крикнула она. — Думаю, король давным-давно приступил к Сюрпризам!

— Король?! — воскликнул я, и в животе у меня ухнуло. — Настоящий король?!

— Настоящий? — повторила Мюмлина дочь. — Что за вопрос? Он — Самодержец и самый великий Король из всех королей! А сегодня — день его

рождения, ему стукнуло сто лет!

— Он похож на меня? — прошептал я.

— Не-а, ни капельки, — удивлённо ответила Мюмлина дочь. — С какой, интересно, стати он должен быть похож на тебя?!

Я пробормотал в ответ что-то невразумительное и покраснел. Конечно, это была несколько поспешная мысль. Но мало ли. Вдруг он всё-таки… Я чувствовал в себе королевскую кровь. Ну да ладно. Во всяком случае, я смогу воочию увидеть Самодержца и, быть может, даже говорить с ним!

В королях есть нечто особенное, нечто величественное, возвышенное, недостижимое. Как правило, я не склонен восхищаться другими (кроме, пожалуй что, Фредриксона). Но королём можно восхищаться, не чувствуя собственной ничтожности. Это приятно.

Дочь Мюмлы тем временем припустила вперёд, по горкам, перепрыгивая через изгороди.

— Послушай, — сказал Юксаре. — Зачем вам эти заборы? Вы кого-то запираете или куда-то не впускаете?

— Да низачем, — ответила дочь Мюмлы. — Подданным просто нравится всё это строительство — они берут с собой еду и устраивают пикники…

Мой дядя по материнской линии нагородил семнадцать километров! Видели бы вы моего дядю — ещё как бы удивились, — весело продолжила она. — Он учит все буквы и слова спереди назад и задом наперёд и ходит вокруг них, пока точно не разберётся, чего от них ждать. Если они слишком длинные и путаные, это может длиться часами!

— Например, гарголозимдонтолог, — предложил Юксаре.

— Или антифилифренконсумент, — сказал я.

— О! — воскликнула дочь Мюмлы. — Когда слова такие длинные, он разбивает возле них лагерь! На ночь он укутывается в свою длинную рыжую бороду. На одной половинке спит, а второй укрывается. Днём в бороде живут две маленькие мышки, и он не берёт с них платы, потому что они ужасно милые!

— Простите, но мне кажется, она опять шутит, — сказал Шуссель.

— Мои братья и сёстры тоже так думают, — ответила дочь Мюмлы. — Их у меня штук четырнадцать-пятнадцать, и все думают одинаково. Я самая старшая и самая умная. Но вот мы и пришли. Теперь скажите маме, что это вы меня сюда заманили.

— Как она выглядит? — спросил Юксаре.

— Она круглая, — ответила дочь Мюмлы. — Вся-вся круглая. И внутри, наверное, тоже.

Мы стояли перед необычно высокой каменной изгородью. На воротах, украшенных гирляндами, висел плакат:

Садовый праздник Самодержца

Вход свободный!
Милости просим, милости просим!
Ежегодный Праздник Сюрпризов,
на этот раз с Большим Размахом,
по случаю Нашего столетнего юбилея.
Не пугайтесь, если
Что-то Произойдёт!

— А что произойдёт? — спросил Клипдасс.

— Всё, что угодно, — сказала дочь Мюмлы. — Это как раз самое увлекательное.

Мы прошли в сад, запущенный и заросший буйной зеленью.

— Простите, а здесь водятся дикие звери? — спросил Шуссель.

— Хуже, — прошептала дочь Мюмлы. — Пятьсот процентов гостей просто пропадают! Это между нами. Ну всё, я побежала. Пока.

Мы осторожно двинулись за ней. Дорога заполз-

ла в густые заросли — длинный зелёный туннель из листьев, где царил таинственный полумрак...

— Стойте! — крикнул Фредриксон, и уши его встали торчком.

Дорога внезапно обрывалась над пропастью! А внизу, в расселине (о нет, это слишком ужасно!), караулило что-то, покрытое шерстью и глазеющее прямо на нас, с длинными дрожащими ногами, — огромный паук!

— Ш-ш-ш! Проверим, злобный ли он, — шепнул Юксаре и бросил вниз несколько камушков.

Паук замахал ногами, как ветряная мельница, и глаза его задви́гались (так как сидели на маленьких штырьках).

— Механический, — заинтересовался Фредриксон. — Ноги из стальных пружин. Отличная работа.

— Простите, но мне кажется, что так шутить некрасиво, — сказал Шуссель. — И без того страшно — столько вокруг настоящих опасностей!

— Иностранцы, — пожав плечами, пояснил Фредриксон.

Я был глубоко потрясён, но не столько пауком Самодержца, сколько его собственным совершенно не королевским поведением.

На следующем повороте висел плакат, большими радостными буквами восклицавший:

АГА, ИСПУГАЛИСЬ!

«Как может Король предаваться таким детским шалостям?» — возмущённо подумал я. Это же недостойно правителя — а уж столетнего правителя и подавно! Надо же дорожить уважением подданных. Вызывать восхищение!

Вскоре мы подошли к искусственному озеру и опасливо оглядели его.

У берега стояли маленькие яркие лодочки, украшенные флажками королевских цветов. Деревья дружелюбно склонялись к воде.

— Уж не знаю, розыгрыш это или нет, — пробормотал Юксаре и залез в ярко-красное судёнышко с синими фальшбортами.

На середине пруда Король приготовил нам но-

вый сюрприз. Прямо рядом с лодкой выстрелила мощная водяная струя, обдав нас с головы до ног. Шуссель закричал от ужаса, и его чувства можно понять. Прежде чем мы добрались до суши, нас окатило ещё четыре раза, а на берегу нас ждал новый плакат, сообщавший:

АГА, ПРОМОКЛИ!

Я был совершенно сбит с толку и испытывал большую неловкость за этого Короля.

— Странный праздничек, — пробурчал Фредриксон.

— А мне нравится! — воскликнул Юксаре. — Самодержец, наверное, очень славный. Легкомысленный весельчак!

Я многозначительно взглянул на Юксаре, но сдержался и ничего не сказал.

Мы пошли дальше, и перед нами открылась система каналов и хитросплетение мостков. Мостки были сломаны или кое-как залатаны обрывками картона; мы балансировали на трухлявых поваленных деревьях и подвесных мостиках из старых верёвок и обрезков шпагата. Но ничего особенного не происходило, разве только Клипдасс воткнулся головой в илистую отмель, что его лишь взбодрило.

Вдруг Юксаре закричал:

— Ха-ха! На этот раз ему нас не провести! — И, подойдя вплотную к огромному чучелу быка, щёлкнул его по носу.

Вообразите же наш ужас, когда бык бешено заревел, опустил рога (к счастью, обмотанные тряпками) и наподдал Юксаре так, что тот, описав изящную дугу, приземлился прямо в розовый куст.

Разумеется, мы тут же нашли новый, издевательски торжествующий плакат:

ЧТО, НЕ ОЖИДАЛИ?!

На этот раз я готов был согласиться, что у Самодержца есть некоторое чувство юмора.

Постепенно мы начали привыкать к Сюрпризам. Мы уходили всё глубже и глубже в дебри

королевского сада, пробирались сквозь лиственные гроты и тайные лазы, проползали под водопадами и карабкались над пропастями, на дне которых горели бутафорские костры. Но Самодержец подготовил для своих подданных не только коварные ловушки, пороховые заряды и чудовищ на стальных пружинах. Хорошенько пошарив под кустами, в расселинах скал и древесных дуплах, можно было найти гнёзда с разноцветными или золочёными яйцами. На каждом яйце красовалось число. Я нашёл яйца с номерами 67, 14, 890, 223 и 27. Это была королевская лотерея. Вообще-то я не люблю конкурсы, потому что жутко расстраиваюсь, когда проигрываю, но искать яйца мне понравилось. Клипдасс нашёл больше всех, и нам стоило немалых трудов убедить его не есть их, а сохранить до раздачи призов. Фредриксон показал достойный второй результат, я — третий, а следом за нами Юксаре, который был слишком ленив, чтобы искать, и Шуссель, который не умел искать методично, а только суетливо носился взад-вперёд.

Наконец мы нашли длинную яркую ленту, которая была натянута между деревьями и местами завязана бантиками. Большой плакат гласил:

А ТЕПЕРЬ ПОВЕСЕЛИМСЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ!

Мы услышали радостные уханья, выстрелы и музыку — в глубине сада праздник был в полном разгаре.

— Лучше я подожду вас тут, — сказал Клипдасс. — Как-то там тревожно!

— Хорошо, — разрешил Фредриксон. — Только не потеряйся.

Мы остановились на краю открытой зелёной лужайки, где собралось полным-полно подданных: они катались с горок, кричали, пели, кидались хлопушками и объедались сахарной ватой. Посередине стоял большой круглый дом, с развевающимися флажками и белыми лошадками в серебряных сбруях, он играл музыку и крутился.

— Что это такое?! — воскликнул я, потрясённый.

— Карусель, — ответил Фредриксон. — Я же тебе рисовал. В разрезе, не помнишь?

— Но она выглядела совсем не так, — возразил я. — Ведь тут и лошадки, и серебро, и флаги, и музыка!

— И шестерёнки, — добавил Фредриксон.

— Не желаете морсу, господа? — спросила нас большая хемулиха в переднике, который ей был определённо не к лицу (я всегда говорил, что у хемулей нет вкуса). Она налила нам по стаканчику и важно добавила: — А теперь идите и поздравьте Самодержца. Ему сегодня исполняется сто лет!

В смешанных чувствах я схватил свой стакан и поднял взор туда, где возвышался трон. На троне восседало его сморщенное величество. И между нами не было ничего общего. Что же я испытал — разочарование или облегчение? Миг, когда ты поднимаешь взор на трон, — это торжественный и важный миг. В жизни каждого тролля должно быть нечто возвышенное, к чему можно устремить свой взгляд (а также и то, на что можно взглянуть сверху вниз), нечто такое, что вызывает почтение и благородные чувства. Но увы и ах! На троне я увидел Короля в короне набекрень и с цветочками за ушами, Короля, который хлопал себя по коленкам и притопывал так, что трон сотрясался! Под троном располагалась туманная сирена — он запускал её всякий раз, когда хотел чокнуться с кем-то из подданных. Надо ли говорить, как я был смущён и подавлен.

Когда сирена наконец смолкла, Фредриксон

сказал:

— Примите мои поздравления. С первым веком.

Я отдал честь хвостом и неестественным голосом произнёс:

— Ваше величество Самодержец, примите самые наилучшие пожелания от странника из дальних краёв. Этот знаменательный миг навек останется в моей памяти!

Король сперва удивлённо уставился на меня, а потом принялся хихикать.

— Ваше здоровьице! — воскликнул он. — Вы промокли? А бык что сказал? Только не говорите, что никто не свалился в бочку с сиропом! О, как же весело быть королём!

Но тут мы ему наскучили, и он снова включил туманную сирену.

— Привет, верный народец! — закричал Король. — Кто-нибудь, остановите эту карусель. И скорее все сюда! Начинаем раздачу призов!

Лошадки и цепные карусели остановились, и народ побежал к Королю.

— Семьсот один! — выкрикнул Король. — У кого семьсот один?

— У меня, — сказал Фредриксон.

— Пожалуйста! Пили́ на здоровье, — сказал

Самодержец и протянул ему замечательную торцовочную пилу, как раз такую, о какой Фредриксон давно мечтал.

Потом Король выкрикивал всё новые номера, и подданные длинной очередью выстроились к трону, весело болтая друг с другом. Все до единого, даже мельчайшие кнютты и скрютты, что-нибудь да выиграли — все, кроме меня.

Юксаре и Шуссель, разложив свои призы перед собой, тут же занялись их уничтожением, потому как в основном это оказались шоколадные шарики, марципановые хемули и сахарные розочки. У Фредриксона на коленях лежала целая груда полезных и скучных вещей — преимущественно инструменты.

В конце концов Самодержец забрался на трон и крикнул:

— Дорогие! Дорогие наши чокнутые, сварливые и неразумные подданные! Каждый из вас получил то, что подходит именно ему, и ничего иного вы не заслужили. Мы, носитель вековой мудрости, спрятали яйца в тайниках трёх видов. Во-первых, это места, на которые натыкаешься, когда бегаешь туда-сюда или когда ты слишком ленив, чтобы искать. Эти призы съедобные. Во-вторых, мы устроили тайники в таких местах, которые можно найти, если искать не спеша, методично и с умом. Эти призы могут для чего-нибудь пригодиться. А в-третьих, мы приготовили такие тайники, обнаружить которые можно, лишь обладая воображением. Эти призы вообще ни на что не годны. Слушайте же, наши дорогие, безнадёжно чокнутые подданные! Кто из вас искал в самых что ни на есть неожиданных местах: под камнями, в ручьях, на верхушках деревьев, в цветочных бутонах, в своих карманах или муравейниках? Кто нашёл яйца под номерами шестьдесят семь, четырнадцать, восемьсот девяносто, девятьсот девяносто девять, двести двадцать три и двадцать семь?

— Я! — завопил я с такой силой, что даже под-

прыгнул и смутился.

А после кто-то тонким голоском крикнул:

— Девятьсот девяносто девять!

— Выйди вперёд, несчастный тролль, — сказал Самодержец. — Перед тобой — бессмысленные награды мечтателя. Нравятся ли они тебе?

— Невероятно нравятся, ваше величество, — выдохнул я, зачарованно глядя на свои призы.

Самый прекрасный из них был, безусловно, двадцать седьмой. Это оказалось украшение для гостиной: коралловая подставка, а на ней маленький трамвайчик из морской пенки. На передней площадке прицепного вагона стояла коробочка для английских булавок. Шестьдесят седьмой оказался украшенным гранатами венчиком для шампанского. А ещё я выиграл акулий зуб, законсервированное колечко дыма и расписную ручку от шарманки. Можете ли вы, дорогие читатели, вообразить себе моё счастье? Можете ли с пониманием отнестись к тому, что я почти простил Самодержца за его не вполне королевское поведение и подумал вдруг, что он не такой уж плохой король?

— Эй, а как же я? — крикнула дочь Мюмлы (это, конечно, она выиграла приз под номером девятьсот девяносто девять).

— Малышка Мюмла, — серьёзно сказал Самодержец. — Тебе дозволяется чмокнуть нас в нос.

Дочь Мюмлы забралась Самодержцу на колени и поцеловала его в древний самодержавный нос, а народ тем временем поедал свои призы и ликовал.

Это был шикарный садовый праздник. Вечером по всему Парку Сюрпризов зажглись разноцветные фонари, начались танцы и весёлые потасовки. Самодержец раздавал всем воздушные шары и вскрывал огромные бочки с яблочным вином. Повсюду горели костры, подданные варили суп и жарили сосиски.

В толпе гостей я заметил большую мюмлу, которая, казалось, целиком состояла из округлостей. Я подошёл к ней, поклонился и сказал:

— Извините, вы, случайно, не Мюмла?

— Она самая! — ответила Мюмла и засмеялась. — Юмпель-вымпель, как же я объелась! А вам, бедняжке, не повезло — такие чудны́е призы достались!

— Чудны́е! — воскликнул я. — Что может быть лучше бессмысленных наград мечтателя? Можно ли удостоиться более высокой чести? — И вежливо добавил: — Хотя главный приз, разумеется, достался вашей дочери.

— Гордость семьи, — согласилась Мюмла, и было видно, что мои слова ей приятны.

— То есть вы больше не огорчены её поведением? — спросил я.

— Огорчена? — удивилась Мюмла. — С чего бы это? Мне огорчаться некогда. Восемнадцать-девятнадцать детей — и всех отмой, уложи, одень-раздень, накорми, высморкай, пожалей и морра знает что. Так что веселимся до упаду, юный друг!

— А какой у вас удивительный брат… — продолжил я нашу беседу.

— Брат? — не поняла Мюмла.

— Дядя вашей дочери, — пояснил я. — Который спит, укутавшись в свою рыжую бороду.

(К счастью, я умолчал о мышках, проживающих в этой его бороде.)

Мюмла расхохоталась во всё горло.

— Ну и дочка мне досталась! — сказала она. — Да она вас обманула. Насколько мне известно, нет у неё никакого дяди. Ну всё, до свиданья, пойду прокачусь на карусели.

И, подхватив столько детей, сколько уместилось в её широких объятиях, Мюмла шагнула в красную карету, запряжённую лошадью в яблоках.

— Потрясающая мюмла, — с искренним восхищением проговорил Юксаре.

Верхом на лошади восседал Шуссель, и вид у

него был странный.

— Как дела? — спросил я. — Тебе что, не весело?

— Спасибо, хорошо, — пробормотал Шуссель. — Ужасно весело. Только голова очень кружится… Так обидно!

— Сколько же раз ты катался? — спросил я.

— Не знаю, — страдальчески вымолвил Шуссель. — Много! Много раз! Прости, но мне очень надо! Вдруг я больше никогда в жизни не покатаюсь на карусели… О, она снова закрутилась!

— Пора домой, — сказал Фредриксон. — А где Король?

Самодержец упоённо катался с горки, так что мы ушли тихонько, ни с кем не попрощавшись. Только Юксаре остался. Он сказал, что они с Мюмлой договорились летать на карусели до самого рассвета.

На краю лужайки мы нашли нашего Клипдасса, который спал, зарывшись в мох.

— Привет, — сказал я. — Не хочешь получить свои призы?

— Призы? — моргая, повторил Клипдасс.

— Яйца, — пояснил Фредриксон. — Ты же нашёл их целую дюжину.

— Я их съел, — смущённо признался Клип-

дасс. — Пока я вас ждал, мне было совсем нечего делать.

Мне до сих пор любопытно, какие призы полагались Клипдассу и кто получил их вместо него. Быть может, Самодержец сохранил их до следующего столетнего юбилея?

Муми-папа перевернул страницу и сказал:

— Глава шестая.

— Постой-ка, — перебил его Снусмумрик. — Моему папе что, понравилась эта мюмла?

— Ещё как понравилась! — ответил Муми-папа. — Они носились как сумасшедшие и всё хохотали — кстати и некстати.

— А она ему нравилась больше, чем я? — спросил Снусмумрик.

— Но ведь тебя ещё тогда не было, — заметил Муми-папа.

Снусмумрик фыркнул. Натянув шляпу на уши, он уставился в окно.

Муми-папа посмотрел на него, потом поднялся, прошёл к угловому шкафу и долго копался на верхней полке. А вернувшись, протянул Снусмумрику длинный блестящий акулий зуб.

— Это тебе, — сказал он. — Твой папа всегда им восхищался.

Снусмумрик поглядел на зуб.

— Красивый, — сказал он. — Я повешу его над кроватью. А папа ушибся, когда бык швырнул его в розовый куст?

— Да нет, — ответил Муми-папа. — Юксаре был мягкий, как кот, к тому же рога у быка были обмотаны тряпками.

— А что стало с другими твоими призами? — спросил Снифф. — Трамвайчик стоит под зеркалом в гостиной, а всё остальное?

— Ну… шампанского-то нам тут никогда не подавали, — задумчиво сказал Муми-папа. — Так что венчик, наверное, лежит себе где-то на дне кухонного ящика. А колечко дыма с годами рассеялось…

— А расписная ручка от шарманки? — закричал Снифф.

— Ох, — сказал Муми-папа. — Если б я знал, когда у тебя день рождения… Твой папа вечно путался в числах.

— А на именины? — взмолился Снифф.

— Хорошо, на именины ты получишь один сюрприз, — сказал Муми-папа. — Ну всё, тихо, я читаю дальше.

Глава шестая,
в которой я основываю колонию и переживаю жизненный кризис, а также вызываю привидение на острове Ужасов

Не скоро я забуду то утро, когда Фредриксон получил срочную телеграмму. Начиналось оно приятно и тихо. Мы пили кофе в рубке «Морзкого оркестора».

— Я тоже хочу кофе, — сказал Клипдасс, булькая своим молоком.

— Ты ещё слишком маленький, — ласково объяснил Фредриксон. — К тому же ты отправляешься домой к маме. С пакетботом через полчаса.

— Да ты что, — спокойно отозвался Клипдасс и продолжил пускать пузыри в стакане.

— А я останусь у вас! — крикнула дочь Мюмлы. — Пока не вырасту. Слушай, Фредриксон, а ты не можешь изобрести что-нибудь такое, отчего мюмлы становятся жутко, ужасно большими?

— Нам и маленькой хватает, — заметил я.

— Вот и мама тоже так говорит, — призналась дочь Мюмлы. — А вы знаете, что я появилась на свет в устрице и была не больше водяной блохи, когда мама нашла меня в своём аквариуме?

— Ты опять нас обманываешь, — сказал я. — Я точно знаю, что ребёнок зарождается внутри своей мамы, точь-в-точь, как семечко в яблоке! К тому же мюмл на борт брать нельзя, это плохая примета!

— Чепуха! — беспечно ответила Мюмлина дочь и хлебнула ещё кофе.

Мы привязали к хвостику Клипдасса записку с адресом и поцеловали его в мордочку. К чести его стоит заметить, что он при этом никого из нас не

цапнул за нос.

— Маме привет, — сказал Фредриксон. — Смотри пакетбот не сломай.

— Не сломаю, — радостно пообещал Клипдасс.

И удалился с Мюмлиной дочерью, пообещавшей присмотреть за его посадкой на пакетбот.

Фредриксон разложил на навигационном столе карту мира. Тут раздался стук в дверь, и громовой голос прокричал:

— Телеграмма! Срочная телеграмма для Фредриксона!

За дверью стоял громадный хемуль из гвардии Самодержца. Сохраняя хладнокровие, Фредриксон надел капитанскую фуражку и с серьёзным видом прочёл телеграмму. Вот что в ней говорилось:

> ДОШЛО НАШЕГО СВЕДЕНИЯ ЧТО ФРЕДРИКСОН
> ГЕНИАЛЬНЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ТЧК ПРОСИМ ПОСТАВИТЬ ТАЛАНТ СЛУЖБУ САМОДЕРЖЦА ВСКЛ СРОЧНО ТЧК

— Простите, но пишет он не слишком грамотно, этот Король, — сказал Шуссель, который выучился читать по своей банке (Максвелл-ха-

ус-кофе-хай-грейд-уан-паунд[9] и так далее — это, конечно, пока банка была ещё синяя).

— В срочных телеграммах не ставят предлоги, — объяснил Фредриксон. — Некогда. А телеграмма — отличная.

Он достал из-за нактоуза щётку для волос и принялся так усердно причёсывать уши, что во все стороны полетели клочья волос.

— А можно я вставлю предлоги в твою замечательную телеграмму? — спросил Шуссель.

Фредриксон его не слышал. Он что-то мурлыкал себе под нос и, закончив причёсывать уши, стал чистить штаны.

— Слушай, — осторожно сказал я. — Если ты станешь изобретать разные вещи для Самодержца, то мы больше не сможем путешествовать, да?

Фредриксон что-то рассеянно промычал.

— А изобретения быстро не делаются, так ведь? — продолжил я.

Фредриксон не отозвался, и я воскликнул, уже в отчаянии:

— Но как же можно стать искателем приклю-

---

[9] Примечания: 9

То есть «Кофе „Максвелл-хаус“ высшего сорта, один фунт» — надпись на банке в переводе с английского языка. 1 фунт — примерно 450 граммов. *(Примеч. ред.)*

чений, если всё время сидеть на одном месте? Ты же хочешь быть искателем приключений, разве нет?!

На это Фредриксон ответил:

— Нет. Я хочу быть изобретателем. Я хочу изобрести летающий речной корабль.

— А как же я? — спросил я.

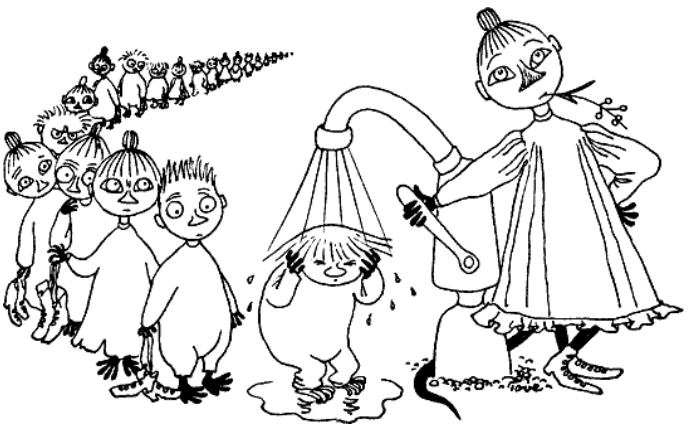
— А ты можешь вместе с остальными основать колонию, — ласково сказал Фредриксон и исчез.

В тот же вечер Фредриксон переехал в Парк Сюрпризов и забрал с собой «Морзкой оркестор». Только рубка осталась одиноко стоять на берегу. Гвардейцы Самодержца закатили корабль в парк, окружив всё это дело строжайшей тайной и восемью новыми каменными изгородями (подданные были счастливы снова приняться за работу).

В парк доставили несколько тачек с инструментами, тонны шестерёнок и километры стальной пружины. Фредриксон обещал Самодержцу, что по вторникам и четвергам будет изобретать разные смешные вещи для пугания подданных; в остальное же время он мог сколько угодно заниматься своим летающим кораблём. Однако обо всём этом я узнал много позже. Поначалу же мне просто казалось, что меня бросили. Я снова разочаровался в Самодержце и перестал восхищаться

королями. В придачу я понятия не имел, что значит это странное слово — «колония». В конце концов я отправился за утешением к Мюмле.

— Э-ге-гей! — крикнула Мюмлина дочь. Она стояла у водяной колонки и мыла своих младших братьев и сестёр. — Ты будто клюквы наелся!



— Я больше не искатель приключений, я собираюсь основать колонию, — уныло ответил я.

— Ого. А что это такое? — спросила Мюмлина дочь.

— Не знаю, — буркнул я. — Вероятно, что-то на редкость глупое. Лучше, пожалуй, уплыву с хаттифнатами, в полном одиночестве, как шторм или как орлан-белохвост.

— Тогда я с тобой, — заявила дочь Мюмлы и перестала качать воду.

— Ты — не Фредриксон, — сказал я, но мой тон не оказал на неё должного воздействия.

— Вот именно! — радостно воскликнула она. — Мама! Ты где? Куда она опять запропастилась?

— Привет, — сказала Мюмла, выглянув из-под листка. — Сколько вымыла?

— Половину, — ответила её дочь. — Остальные пусть походят грязные, потому что этот тролль пригласил меня отправиться с ним в кругосветное путешествие, в полном одиночестве, как зяблик или шторм!

— Нет, нет, нет! — Я, понятное дело, забеспокоился. — Я совсем не то хотел сказать!

— Ладно, как орлан-белохвост, — поправилась Мюмлина дочь.

А её мама удивлённо воскликнула:

— Да что ты говоришь! Значит, к ужину тебя не ждать?

— Ох, мама, — вздохнула Мюмлина дочь. — В следующий раз, когда ты меня увидишь, я буду самой большой мюмлой на целом свете! Ну что, в путь?

— Я тут подумал, может, всё-таки лучше основать колонию… — упавшим голосом пробормотал я.

— Отлично! — весело согласилась она. — Теперь мы — колонисты! Смотри, мама, я настоящий колонист, и я ухожу из дома!

Дорогой читатель, ради твоего же блага я прошу тебя остерегаться мюмл. Они интересуются всем подряд и совершенно не могут понять, что сами они тебе неинтересны.

Итак, против собственной воли я основал колонию вместе с дочерью Мюмлы, Шусселем и Юксаре. Мы собрались в брошенной рубке Фредриксона.

— Вот что я вам скажу, — заявила дочь Мюмлы. — Я спросила у мамы, кто такие колонисты. Она думает, что колонисты — это те, кто ужасно не любит одиночества. Поэтому они селятся вместе, как можно ближе друг к другу. Правда, со временем они начинают ужасно ссориться, но это всё равно веселей, чем когда ты живёшь один и ссориться не с кем! Мама просила меня быть

поосторожней.

За её словами последовала недовольная тишина.

— Неужели нам обязательно теперь ссориться? — испуганно спросил Шуссель. — Я очень не люблю ссориться! Простите, но ссоры — это так печально!

— Всё не так! — воскликнул Юксаре. — Колония — это место, где живут тихо и мирно и как можно дальше друг от друга. Иногда там случается что-нибудь необычное, но потом снова наступают мир и тишина… Кто-то, положим, живёт на яблоне. Песни, солнечный свет, безмятежный утренний сон, сами понимаете. Никто не стоит на ушах и не твердит тебе про всякие важные вещи, которые надо сделать и никак нельзя отложить… Дела делаются сами, без всякого твоего участия!

— А они так могут — делаться сами? — уточнил Шуссель.

— Ну конечно, — мечтательно проговорил Юксаре. — Просто не надо ни во что вмешиваться. Апельсины зреют, цветы распускаются, время от времени рождается новый Юксаре, чтобы есть эти апельсины и нюхать цветы. А сверху на всё это светит солнце.

— Нет! Это никакая не колония! — крикнул

я. — Колония, по-моему, — это такая компания, которая живёт вольно, не подчиняясь никаким законам! Колонисты делают всякие потрясающие вещи, немножко страшные, такие, на которые никто другой не отважится.

— Какие? — заинтересовалась дочь Мюмлы.

— Увидите, — загадочно ответил я. — В следующую пятницу, в полночь! Обещаю, вы удивитесь!

Шуссель закричал «ура!». Дочь Мюмлы захлопала в ладоши.

Однако страшная правда состояла в том, что я понятия не имел, чем удивлю их в следующую пятницу.

Мы немедленно условились о полной независимости.

Юксаре поселился на яблоне рядом с домом Мюмлы. Дочь Мюмлы заявила, что будет спать каждую ночь на новом месте, чтобы почувствовать свободу, а Шуссель по-прежнему жил в кофейной банке.

Исполненный некоторой меланхолии, я занял ходовую рубку. Её установили на одинокой прибрежной скале, и больше всего она напоминала обломок кораблекрушения, выброшенный на сушу. Я отчетливо помню, как стоял, глядя на

старые инструменты Фредриксона. Хемули из гвардии Самодержца их не взяли, потому что инструменты эти были недостаточно хороши для придворного изобретателя.

Я подумал тогда: самое время затеять что-то такое же замечательное, как и его изобретения. Чем же мне удивить моих колонистов? Они ведь ждут, а скоро пятница, и я слишком много говорил о своих талантах…

На секунду мне стало нехорошо, я смотрел на волны, катившиеся мимо, и представлял, как Фредриксон всё строит, строит, придумывает всё новые изобретения и совершенно обо мне забыл.

Я почти уже жалел, что не родился хаттифнатом под неопределёнными и дрейфующими хаттифнатскими звёздами, так чтобы никто ничего от меня не ждал и я мог бы точно так же дрейфовать к недостижимому горизонту, не вступая ни с кем в разговоры и ни о чём не заботясь.

В таком печальном настроении я пребывал до самого рассвета. Потом одиночество наскучило мне, и я побрёл прочь от моря по горам, где подданные Самодержца всё ещё строили где ни попадя свои заборы и поедали припасы из корзинок. Они повсюду жгли маленькие костры, иногда запускали самодельные ракеты или, как

всегда, кричали «ура!» своему Королю. Проходя мимо банки Шусселя, я услышал, как он ведёт бесконечный разговор с самим собой. Насколько я мог разобрать, речь шла о форме какой-то пуговицы, которая была круглая, но, если посмотреть с другой стороны, вполне могла считаться овальной. Юксаре спал на яблоне, а дочь Мюмлы наверняка где-то носилась, чтобы доказать маме, какая она самостоятельная.

С глубоким чувством полной бессмысленности всего я пошёл к Парку Сюрпризов, который в это время был совершенно неподвижен. Водопады не работали, лампы не горели, карусель дремала под большим коричневым чехлом. Трон Самодержца тоже был зачехлён, а под троном стояла его туманная сирена. Земля была сплошь усеяна обёртками от карамелек.

Вдруг я услышал стук молотка.

— Фредриксон! — закричал я.

Но он стучал и стучал дальше.

Тогда я завёл туманную сирену. Вскоре из сумерек вынырнули уши Фредриксона, и он сказал:

— Пока смотреть нельзя. Ещё не готово. Ты пришёл слишком рано.

— Да не собирался я смотреть на твоё изобретение, — огорчённо сказал я. — Я поговорить хочу!

— О чём? — спросил он.

Я немного помолчал, потом произнёс:

— Фредриксон, милый, скажи, что всё-таки должен делать вольный искатель приключений?

— Что ему хочется, — ответил Фредриксон. — Ты что-то ещё хотел спросить? Я немного спешу.

Он приветливо помахал ушами и опять растворился в сумерках. Скоро вновь раздался стук молотка. Я пошёл домой, в голове моей роились мысли, которым я, к сожалению, не мог найти применения, а думать о собственной персоне мне впервые в жизни не доставляло никакого удовольствия. Я погрузился в тяжкое уныние, которое и в будущем порой овладевало мной, когда кто-то достигал бóльших успехов, чем я сам.

Но в каком-то смысле это новое чувство показалось мне очень интересным, и я подозревал, что оно всё-таки связано с моей одарённостью. Я заметил, что, позволяя себе погрузиться достаточно глубоко в кромешную мглу, вздыхать и смотреть неподвижным взглядом на море, я испытываю почти что удовольствие. Мне было бесконечно жаль себя. Захватывающее чувство!

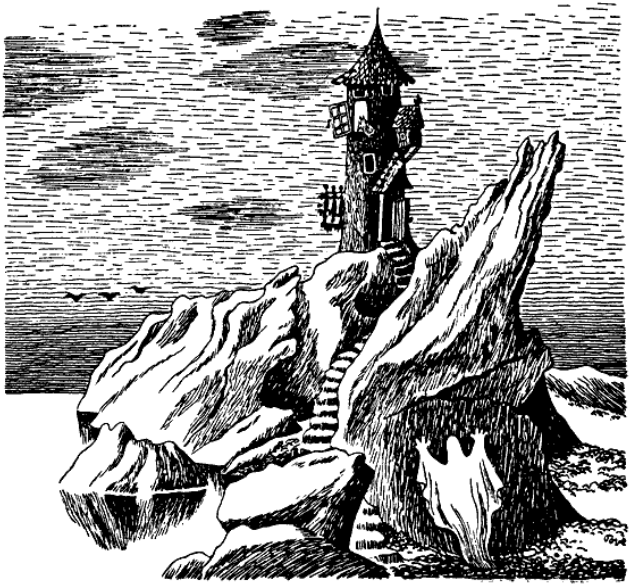
Предаваясь ему, я начал рассеянно кое-что перестраивать в рубке при помощи инструментов Фредриксона и выброшенных на сушу досок. Мне

показалось, что мой дом слишком низкий.

Эта печальная, столь важная для моего развития неделя тянулась медленно. Я стучал молотком, размышлял, пилил, снова размышлял, и ни разу за это время не раздалось знакомого «клац» (ну вы знаете).

В четверг вышла полная луна. Ночь была совершенно беззвучная. Даже подданные Самодержца устали кричать «ура!» и пускать фейерверки. Я доделал лестницу на второй этаж и сидел у окна, подперев морду лапами. Тишина стояла такая, что слышно было, как мохнатые ночные бражники чистят свои крылышки.

И тогда внизу, на берегу, я увидел маленькое белое существо. С первого взгляда мне показалось, что это хаттифнат. Но когда существо, скользя, приблизилось, шерстинки у меня на загривке зашевелились. Существо было прозрачное. Сквозь него я отчётливо видел камни, к тому же оно не отбрасывало тени! А если добавить, что оно было завёрнуто в нечто похожее на тонкую белую тюлевую занавеску, то любой догадается, что это было привидение!



Я вскочил. Заперто ли внизу? А вдруг привидения умеют проходить сквозь двери… Что делать?! Скрипнула входная дверь. По лестнице пробежал

холодок и дунул мне в затылок.

Теперь, оглядываясь назад, я всё же не уверен, что по-настоящему испугался, — скорее всего, я просто подумал, что следует быть осторожнее. Поэтому я решительно заполз под кровать и принялся ждать. Вскоре послышался лёгкий скрип на лестнице. Скрип, ещё скрип. Всего там девять ступенек, это я знал, потому что строить лестницу было ужасно трудно (она была винтовая). Я насчитал девять скрипов, потом стало совершенно тихо, и я подумал: сейчас оно стоит за дверью…

Тут Муми-папа остановился и выдержал эффектную паузу.

— Снифф, — сказал он. — Сделай лампу поярче. Представляете, у меня даже лапы вспотели, пока я читал об этой ночи с привидением!

— А? Что? — встрепенулся Снифф, проснувшись.

Муми-папа взглянул на него и сказал:

— Да так, пустяки. Я просто читал свои мемуары.

— Про привидение классно написано, — сказал Муми-тролль. Он лежал, натянув одеяло по самые уши. — Это пусть так и остаётся. А про все эти печальные чувства — немного лишнее. Как-то затянуто получается.

— Затянуто? — оскорблённо воскликнул папа. — Что значит «затянуто»? В мемуарах должны быть печальные чувства. Они есть во всех мемуарах. Я переживал кризис.

— Что? — переспросил Снифф.

— Мне было очень плохо, — сердито объяснил Муми-папа. — Ужасно. Я был так несчастен, что даже почти не заметил, как построил двухэтажный дом!

— А яблоки на яблоне Юксаре были? — спросил Снусмумрик.

— Нет, — отрезал папа.

Он встал и захлопнул тетрадь в клеёнчатой обложке.

— Папа, послушай, привидение просто отличное, — сказал Муми-тролль. — Правда. Нам всем кажется, что про привидение ты написал ужасно увлекательно.

Но папа сошёл вниз и уселся в гостиной. Он не сводил глаз с барометра, который, как и прежде, висел на стене — только теперь вокруг была гостиная, а не рубка. Как там сказал Фредриксон, когда увидел его дом? «Ну и ну, вот это постройка!» Эдаким покровительственным тоном. А остальные даже не заметили, что дом стал выше. Может, и правда стоит подсократить о чувствах?

Может, всё это смешно и ничуть не трагично? А что, если вся его книга — смешна?!

— Вот ты где — сидишь тут один, в темноте, — сказала мама, выходя из кухни. Она приготовила несколько вечерних бутербродов.

— Не нравится мне эта глава про юношеский кризис — глупая она какая-то, — сказал папа.

— Ты про начало шестой? — уточнила мама.

Папа что-то буркнул в ответ.

— Это одно из самых сильных мест во всей книге, — сказала Муми-мама. — Рассказ выйдет живее, если ты сохранишь два-три места, где ты не хвастаешься. Дети ещё слишком маленькие, чтобы такое понять. Я и на твою долю намазала бутербродик. Пока.

Мама пошла наверх. Ступеньки поскрипывали так же, как тогда: ровно девять скрипов. Только эта лестница была намного лучше той, прежней…

Папа в темноте съел свой бутерброд. А потом тоже отправился наверх, читать дальше.

В двери появилась узенькая щёлка, в комнату влетел тонкий белый дымок и свернулся калачиком на ковре. Посередине белого калачика моргали два бледных глаза — из своего укрытия под кроватью я видел всё это совершенно

отчётливо.

— И правда, привидение, — сказал я сам себе (во всяком случае, смотреть на него было не страшнее, чем слышать его приближающиеся шаги на лестнице).

В комнате похолодало, как это обычно случается в историях про привидения, — из всех углов потянуло холодом, и вдруг привидение чихнуло.

Дорогие читатели, не знаю, что почувствовали бы вы, но я сразу как будто утратил к нему уважение. Я вылез из-под кровати (кстати говоря, привидение меня и так уже заметило) и сказал:

— Будьте здоровы!

— Сам будь здоров, — раздражённо ответило привидение. — Ду́хи лощины стонут в эту мрачную роковую ночь.

— Чем могу быть полезен? — услужливо спросил я.

— В такую роковую ночь, — упрямо бубнило привидение, — забытые кости гремят на морском берегу!

— Чьи кости? — поинтересовался я.

— Забытые кости! — повторило привидение. — Ужас обнажил свой жёлтый оскал, глумясь над заклятым островом. Остерегайся, о смертный, ибо я вернусь ровно в полночь в пятницу, три-

надцатого!

Привидение выпрямилось и, глядя на меня страшными глазами, проплыло к полуоткрытой двери. С громким стуком ударившись затылком о притолоку, оно вскрикнуло: «Ой, мамочки!» — слетело вниз по лестнице и, выбравшись на лунный свет, издало трёхкратный вой, как гиена. Но меня уже трудно было чем-либо удивить.

Привидение рассеялось и лёгким клочком тумана уплыло вдаль над морем. И тут я расхохотался. Вот и сюрприз для моих друзей! Теперь я тоже, как самый настоящий колонист, смогу совершить что-то потрясающее и немного страшное, такое, на что никто другой не отважится!

Незадолго до полуночи в пятницу, тринадцатого числа, я пригласил моих колонистов на пляж под ходовой рубкой, которая стала моим домом. Был чудесный спокойный вечер. Я накрыл на песке лёгкий ужин — суп, хрустящие хлебцы и яблочное вино Самодержца (которое все желающие могли наливать себе из больших бочек, расставленных на каждой развилке). Посуду я покрасил чёрной велосипедной эмалью и украсил скрещёнными белыми костями.

— Я мог бы дать тебе немного красной краски, — сказал Шуссель. — Или жёлтой и синей.

Прости, но тебе не кажется, что так было бы уютнее?

— Уют здесь неуместен, — сдержанно ответил я. — Этой ночью тут будут твориться неописуемо страшные вещи. Готовьтесь к худшему.

— Хм, на вкус почти как уха. Это плотва? — спросил Юксаре.

— Морковь, — коротко сказал я. — Ты ешь, ешь! Наверное, ты думаешь, что в привидениях нет ничего особенного?!

— О, вот как. Нас ждут истории про привидения? — сказал Юксаре.

— Я люблю истории про привидения! — воскликнула дочь Мюмлы. — По вечерам мама всегда рассказывала нам страшные истории, чтобы нас как следует запугать. Рассказывала и рассказывала, пока ей самой не становилось до того страшно, что мы потом полночи её успокаивали. Но ещё хуже — мой дядя. Однажды…

— Это не шутки! — сердито перебил я её. — Страшные истории, подумаешь… Отсохни мой хвост! Я покажу вам привидение! Настоящее! Я изобрету его, я его наколдую! Ну, что вы на это скажете?! — И я с торжествующим видом посмотрел на них.

Дочь Мюмлы захлопала в ладоши, у Шусселя

же на глазах выступили слёзы, и он прошептал:

— Не надо! Прошу тебя, не надо!

— Ради тебя я вызову очень маленькое привидение, — сжалился я.

Юксаре перестал жевать и уставился на меня в изумлении — или, скажем прямо, в восхищении! Я достиг своей цели, я спас лицо и честь! Но, дорогие читатели, вообразите себе, с каким волнением я ожидал наступления полуночи. А вдруг привидение не вернётся? Вдруг оно окажется недостаточно ужасным? Вдруг начнёт чихать, молоть чепуху и всё испортит?

Одна из главных моих отличительных черт — стремление любой ценой произвести впечатление на окружающих: пробудить в них восхищение, сострадание, ужас или любого рода заинтересованность. Полагаю, что причиной тому — моё несчастливое детство.

Короче говоря, когда стрелки часов приблизились к двенадцати, я залез на скалу, обратил взор к луне, произвёл несколько магических жестов и издал вой, леденящий душу и пробирающий до мозга костей. Другими словами, я вызвал привидение.

Колонисты замерли, зачарованные, взволнованные и полные предвкушений, и лишь в

бездонно-ясном, придирчивом взгляде Юксаре сквозило лёгкое недоверие. Я и по сей день чувствую глубокое удовлетворение от того, что смог поразить самого Юксаре. Ибо привидение явилось. Оно пришло, прозрачное и не отбрасывающее тени, и тут же завело свою историю о забытых костях и ду́хах лощины.

Шуссель заорал и спрятал голову в песок. Мюмлина же дочь, недолго думая, подошла ближе, протянула руку и сказала:

— Здравствуйте! Приятно познакомиться с настоящим привидением. Хотите супа?

Никогда не знаешь, что выкинут эти мюмлы!

Разумеется, моё привидение оскорбилось. Оно потеряло всякое самообладание, съёжилось и сморщилось. И когда оно, бедненькое, исчезло, поднявшись в воздух тонкой струйкой дыма, Юксаре расхохотался, и привидение, конечно, это услышало. Короче, ночь была испорчена.

Но колонисты дорого заплатили за своё непростительное легкомыслие. Неделя, которая последовала за этим происшествием, была просто неописуемой. По ночам мы не могли сомкнуть глаз. Привидение откопало где-то железную цепь и гремело ею до четырёх утра. Мы слышали уханье сов, вой гиен, шарканье ног и стук в дверь,

мебель прыгала по комнатам и разваливалась на части.

Колонисты возроптали.

— Прогони ты его, — сказал Юксаре. — Мы спать хотим!

— Это невозможно, — серьёзно ответил я. — Вызвав привидение, от него уже не избавишься.

— Шуссель плачет, — укоризненно заметил Юксаре. — Привидение нарисовало на его банке череп и написало «ЯД». Теперь он никогда не сможет пить кофе.

— Глупость какая, — сказал я.

— Да, а Фредриксон сердится! — продолжал Юксаре. — Твоё привидение накалякало угрозы на «Морзком оркесторе» и ворует стальные пружины!

— Ах так! — возмущённо воскликнул я. — Тогда мы положим конец этому безобразию! И немедленно!

Я быстро сочинил записку и повесил её на дверь своего дома. В записке говорилось:

> Достопочтенное привидение!
>
> По непредвиденным обстоятельствам в следующую пятницу перед заходом солнца состоится общее собрание приви-

дений. Любые жалобы будут приняты к рассмотрению.

Королевская вольная колония.

P. S. Вход с цепями запрещён.

Я долго думал, что выбрать — «королевская» или «вольная». В конце концов я решил написать и то и другое. Получилась эдакая изящная золотая середина.

Ответ привидения был выведен красной краской по пергаменту (пергаментом послужил старый плащ Фредриксона, прибитый к моей двери Мюмлиным хлебным ножом).

Близится роковой час, — *писало моё дорогое привидение*. — В пятницу, но не на закате, а в Полночь, когда пустошь огласит одинокий вой Пса Смерти! Жалкие суетные букашки, спрячьте ваши головы в землю, которая содрогнётся от тяжёлых шагов Незримого, ибо ваша Судьба начертана кровью на стенах Склепа!

Захочу — всё равно притащу цепи!

Привидение, прозванное Жутчайшим.

— Так-так, — сказал Юксаре. — Похоже, «судьба» и «рок» — его любимые слова.

— Только не вздумай смеяться, — строго сказал я. — Всё это — результат твоего легкомыслия. Есть вещи, к которым следует относиться серьёзно!

Шусселя послали за Фредриксоном. Конечно, я мог сходить и сам, но я не забыл, как он тогда сказал мне: «Пока смотреть нельзя. Ещё не готово. Ты пришёл слишком рано. Я немного спешу». Да, так и сказал, любезным, но жутко отрешённым тоном.

Привидение явилось ровно в двенадцать, издав три пронзительных вопля.

— Я пришло! — сообщило оно своим неподражаемым голосом. — Трепещите, смертные, ибо ждёт вас возмездие забытых костей!

— Приветик, — сказал Юксаре. — Дались тебе эти кости! Кстати, чьи они? Почему бы тебе это не выяснить?

Я пнул Юксаре по лодыжке и вежливо сказал:

— Приветствую тебя, о призрак лощины! Как дела? Ужас обнажил свой жёлтый оскал, насмехаясь над этим заклятым берегом.

— Не смей мне подражать! — рассердилось привидение. — Так могу говорить только я, и больше никто!

— Слушай, — сказал Фредриксон. — Оставь нас в покое! Пугай других, а?

— Другие знают меня как облупленное, — грустно сказало привидение. — Даже дронт Эдвард, и тот уже не пугается.

— А вот мне страшно! — крикнул Шуссель. — Мне до сих пор очень страшно!

— Как любезно с твоей стороны, — сказало привидение и быстро добавило: — Одинокий караван скелетов воет в ледяном свете зелёной луны!

— Дорогое привидение, — ласково сказал Фредриксон, — кажется, у тебя немного расшатаны нервы. Давай так. Ты обещаешь пугать не нас и не здесь. А я обещаю научить тебя новым трюкам. Идёт?

— Фредриксон — настоящий мастер ужасов! — крикнула дочь Мюмлы. — Ты даже не представляешь, какие чудеса он вытворяет с фосфором и листовым железом! Дронт Эдвард насмерть перепугается!

— И Самодержец тоже, — добавил я.

Привидение недоверчиво посмотрело на Фредриксона.

— Хочешь собственную туманную сирену? — предложил Фредриксон. — Знаешь фокус с наканифоленной нитью?

— Нет. А как это? — с любопытством спросило привидение.

— Берёшь обычную нитку покрепче, — объяснил Фредриксон. — Не толще двадцатки. Натягиваешь у кого-нибудь под окном. И трёшь канифолью. Жуткие звуки.

— Клянусь демоническим оком — ты очень милый! — воскликнуло привидение и свернулось калачиком у ног Фредриксона. — А не мог бы ты ещё смастерить мне скелетик? Листовое железо, говоришь? Оно у меня есть. Как это делается?

Фредриксон до самого рассвета рассказывал про разные пугалки и чертил на песке, как они устроены. Эти детские забавы явно доставляли ему огромное удовольствие.

Утром он вернулся в Парк Сюрпризов, а мы приняли моё привидение в Королевскую вольную колонию, присвоив ему почётное звание Кошмар Острова Ужасов.

— Послушай, привидение, — сказал я. — Хочешь жить у меня? Я немного одинок. Я, конечно, не робкого десятка, но ночами иногда бывает жутковато…

— Клянусь всеми гончими ада… — начало привидение и оскорблённо побледнело. Потом успокоилось и сказало: — Почему бы и нет, очень мило с твоей стороны.

Я постелил ему в коробке из-под сахара, кото-

рую покрасил в чёрный цвет и для особого уюта нарисовал на ней черепушки со скрещёнными костями. На обеденной миске я написал «ЯД» (к превеликому удовольствию Шусселя).

— Уютненько, — сказало привидение. — А ничего, если ближе к полуночи я буду немного греметь? Привычка, сам понимаешь.

— Греми на здоровье, — разрешил я. — Но не дольше пяти минут, и смотри не сломай мой трамвайчик из пенки. Это очень ценная вещь.

— Ладно, пять минут, — согласилось привидение. — Но за ночь летнего солнцестояния не ручаюсь.

ЯД

Глава седьмая,
где я описываю, как нашим взорам горделиво предстал преображённый «Морзкой оркестор», как он совершил пробный спуск в пучину вод и какие приключения сопровождали это событие

вот пришла и так же быстро ушла пора летнего солнцестояния (когда, кстати говоря, у Мюмлы родилась ещё одна дочка, которую назвали Мю, что означает «меньше-небывает»), цветы распустились и стали яблоками или ещё чем-нибудь вкусным и были съедены, и меня, уж сам не знаю как, затянуло в опасную трясину повседневности, вплоть до того, что я посадил бархатные розы на капитанском мостике моей рубки и начал играть в пуговицы с Шусселем и Самодержцем.

Ничего не происходило. Привидение сидело в углу у печи и вязало тёплые воротнички и носки — самое успокоительное занятие для привидений с расшатанными нервами. Поначалу оно действительно очень ловко пугало подданных Самодержца и очень радовалось, но вскоре забросило это дело, заметив, что подданным нравится, когда их пугают.

Дочь Мюмлы врала всё отчаянней, и всякий раз ей удавалось меня провести. Однажды она выдумала, что дронт Эдвард случайно раздавил Самодержца! К сожалению, я всегда верю тому, что мне говорят, и поэтому очень обижаюсь, узнав, что меня провели или же повеселились за мой счёт. Если я сам кое-где преувеличиваю, то

делаю это искренне!

Дронт Эдвард иногда навещал нас и по старой привычке бранился, стоя в прибрежных волнах. Юксаре бранился в ответ, а в остальное время только ел, спал, загорал, хохотал с Мюмлой и лазил по деревьям, и я ни разу не заставал его ни за какими другими занятиями. Поначалу он ещё лазил через каменные изгороди, но вскоре ему надоело, потому что выяснилось, что это не запрещено. Юксаре утверждал, что чрезвычайно доволен своей жизнью.

Иногда я видел, как мимо проплывают хаттифнаты, и потом до самого вечера предавался меланхолии.

Всё это время во мне росло беспокойство и подталкивало меня к тому, чтобы, так сказать, вырваться из опостылевшей благополучной и вялой жизни.

И вот наконец это свершилось.

У двери рубки собственной персоной стоял Фредриксон в капитанской фуражке. Только теперь на ней красовались два позолоченных крылышка!

Я сбежал по лестнице и закричал:

— Фредриксон! Привет! Ты заставил его полететь?

Фредриксон помахал ушами и кивнул.

— Ты кому-нибудь об этом рассказывал? — с колотящимся сердцем спросил я.

Он помотал головой. И в этот миг я снова стал искателем приключений, жажда жизни вернулась ко мне, я сделался взрослым, красивым и сильным! Подумать только, Фредриксон мне первому рассказал о том, что его изобретение готово! Самодержец и тот ещё об этом не знает.

— Скорей! Скорей! — кричал я. — Собираем вещи! Я раздам своё имущество — бархатные розы и дом! О Фредриксон, я лопаюсь от нетерпения и новых идей!

— Это хорошо, — сказал Фредриксон. — Но сперва будет церемония открытия и пробный полёт. Мы не можем лишить Короля праздника.

Пробный полёт должен был состояться в тот же вечер. Преображённый корабль стоял на возвышении перед троном, укрытый красной тканью.

— Чёрная была бы наряднее, — заметило моё привидение, яростно стуча спицами. — Или серая, как полуночный туман. Цвет ужаса, сами знаете.

— Свят-свят! — воскликнула Мюмла, которая привела на церемонию всех своих детей. — Привет, дорогая! Ты уже видела своих самых младших

братьев и сестёр?

— Мама, ты опять нарожала новых детей? — спросила дочь Мюмлы. — Скажи им, что их старшая сестра — принцесса Королевской вольной колонии и полетит вокруг Луны на летающем корабле!

Вытаращив глаза, младшие братья и сёстры стали кланяться и делать книксены.

Фредриксон то и дело залезал под красную ткань, чтобы проверить, всё ли в порядке.

— Что-то застряло в выхлопной трубе, — пробормотал он. — Юксаре! Поднимись на борт и запусти большой раздувальный мех!

Мех заработал, и вскоре из выхлопной трубы вылетела каша, угодив Фредриксону прямо в глаз.

— Странно, — сказал он. — Овсянка!

Дети Мюмлы заверещали от восторга.

— Простите! — выкрикнул Шуссель, чуть не плача. — То, что осталось от завтрака, я выкинул в чайник, а не в выхлопную трубу!

— Ну, как тут дела? — спросил Самодержец. — Можем ли мы начинать нашу торжественную речь, или вам не до того?

— Это всё моя малышка Мю, — восторженно объяснила Мюмла. — Уникальное дитя! Вылить

кашу в выхлопную трубу! Нет, ну надо же!

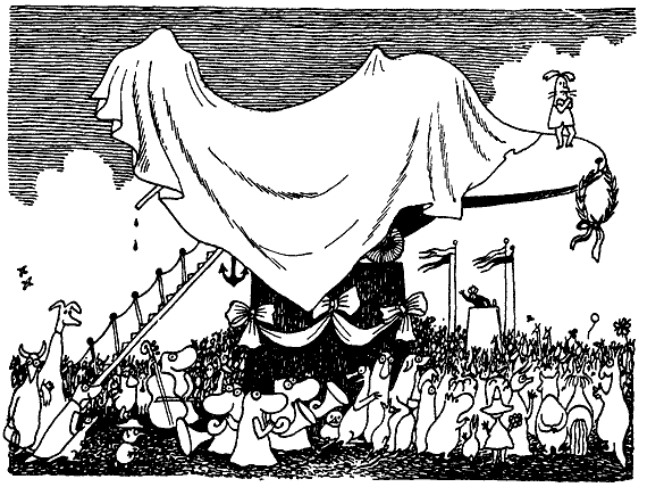
— Ничего страшного, госпожа, — сдержанно сказал Фредриксон.

— Так мы можем начинать или не можем? — спросил Король.

— Начинайте, ваше величество, — сказал я.

Отзвучала туманная сирена, вперёд выступил добровольный духовой оркестр хемулей, и Самодержец под ликование толпы взошёл на трон. Когда крики стихли, он сказал:

— О наш чокнутый древний народ! Пользуясь случаем, скажем вам несколько глубокомысленных слов. Взгляните на Фредриксона, королевского придворного изобретателя сюрпризов. Сегодня вам откроется самое великое его изобретение, призванное бороздить землю, воду и воздух! Хорошенько поразмыслите над этим творением дерзкой мысли, пока будете копошиться в своих норках, грызть, копать, хлопотать и пороть чепуху. Мы всё ещё ждём от вас великих свершений, о вы, злополучные, горемычные, горячо любимые наши подданные! Пусть с вашей помощью наши горы озарятся блеском и славой, а если это вам не под силу, то хотя бы крикнем «ура» в честь героя этого дня!



И народ закричал так, что земля задрожала.

Хемули заиграли Королевский праздничный вальс, и под дождём из роз и японских жемчугов Фредриксон вышел на середину и потянул шнурок. Какой миг!

Красная ткань скользнула вниз.

Но взорам открылся не старый корабль, а крылатый механизм из металла, незнакомая, чудна́я машина! Меня охватила меланхолия. Но вдруг я увидел то, что примирило меня с новым обликом нашего корабля: ультрамарином на нём было выведено имя. Корабль по-прежнему назывался «Морзкой оркестор»!

Хемули затрубили «Гимн Самодержца», ну, вы знаете, где в припеве поётся «Вы этого никак не ожидали, ха-ха!», и Мюмла до того растрогалась, что пустила слезу.

Натянув фуражку на уши, Фредриксон поднялся на борт в сопровождении Королевской вольной колонии (всё ещё под дождём из роз и японских жемчугов), а следом на «Морзкой оркестор» хлынули Мюмлины дети.

— Простите! — закричал вдруг Шуссель и поскакал вниз по сходням. — Нет, я боюсь! Подняться в воздух! Меня опять укачает! — И растворился в толпе.

Машина задрожала и заворчала. Дверь уже была закрыта и задраена, и «Морзкой оркестор» неуверенно качнулся на своём возвышении. А в следующий миг подскочил, да так резко, что я полетел кувырком.

Когда же, набравшись храбрости, я выглянул в

иллюминатор, мы проплывали над верхушками деревьев в Парке Сюрпризов.

— Он летит! Он летит! — кричал Юксаре.

Не могу найти слов, чтобы описать то потрясающее чувство, которое переполняло меня, пока мы парили над землёй. Хотя я вполне доволен тем… как бы это сказать… силуэтом, коим наградила меня судьба, должен признать, что он не создан для того, чтобы парить. Однако в те минуты я вдруг почувствовал себя лёгким и изящным, как ласточка, беспечным и беззаботным, быстрым, как молния, и неотразимым. С особым удовольствием наблюдал я за теми, кто остался на земле, как они копошатся внизу или в испуганном восхищении глядят вверх — на меня. Это был потрясающий миг, жаль, что слишком быстротечный.

Описав плавную дугу, «Морзкой оркестор» опустился на воду и поплыл, украшенный белыми усами из пены, в открытое море, оставляя позади берега Самодержца.

— Фредриксон! — закричал я. — Давай ещё полетаем!

Фредриксон посмотрел на меня невидящим взором, глаза его были голубые-голубые, и весь он светился от тайного торжества, которое не имело

к нам, остальным, никакого отношения. А потом он направил корабль вниз. Кабина наполнилась прозрачным зелёным светом, мимо иллюминаторов проносились тысячи мелких пузырьков.

— Сейчас мы потонем, — сказала малышка Мю.

Я прижался носом к стеклу и стал вглядываться в морскую пучину. Вдоль борта «Морзкого оркестора» зажглись фонари. Они посылали слабый дрожащий свет в подводную мглу.

Я содрогнулся. Куда ни глянь, вокруг лишь зелёная мгла, мы парим в вечной ночи и полной пустоте. Фредриксон выключил мотор, и мы заскользили вниз, всё глубже и глубже. Никто ничего не говорил, и, по правде сказать, нам было страшновато.

Однако уши Фредриксона стояли торчком от счастья, и я заметил, что на нём новая фуражка, украшенная на сей раз маленькими серебряными плавниками.

В этой нестерпимой тишине я вскоре расслышал шепоток, который постепенно становился всё громче. Как будто тысяча перепуганных голосов одновременно шептали одно и то же: «Морской пёс, Морской пёс, Морской пёс…»

Дорогой читатель, попробуй несколько раз

произнести «морской пёс» — предостерегающе и протяжно. Это звучит жутко!

Из темноты показались какие-то мелкие тени. Это были рыбы и морские змеи, и у каждой на носу висел маленький фонарик.

— Почему они не зажгут свои фонарики? — спросила Мюмла.

— Может, батарейки сели, — ответила её дочь. — Мам, а кто такой Морской пёс?

Рыбы кольцом окружили тонущий «Морзкой оркестор» и заинтересованно разглядывали его, ни на миг не переставая испуганно шептать: «Морской пёс! Морской пёс!»

— Дело неладно, — сказал Юксаре. — У меня Предчувствия! Носом чую, они просто боятся зажечь свои фонари. Им запретили! Ну и ну — запретить зажигать фонарь, который висит на твоей собственной голове!

— Может, это Морской пёс запретил? — прошептала дочь Мюмлы, сияя от восторга. — У меня была одна тётка, которая боялась зажигать примус, потому что, когда она зажгла его в первый раз, всё взлетело на воздух, и она в том числе!

— Сейчас мы сгорим, — сказала малышка Мю.

Рыбы подплыли ещё ближе. Они облепили «Морзкой оркестор» и глазели на наши фонари.

— Сказали бы прямо, в чём дело, — буркнул я.

Тогда Фредриксон включил свой беспроводной слуховой аппарат. Тот немного пошипел, а потом мы услышали многоголосый жалобный вой: «Морской пёс, Морской пёс! Он уже близко, близко… Туши свет! Туши свет! Тебя проглотят… Сколько в тебе ватт, бедный кит?»

— Уж темно так темно, — одобрительно высказалось моё привидение. — Роковая ночь укутала кладбище в саван, отчаянно взывают чёрные тени.

— Тсс… — сказал Фредриксон. — Я что-то слышу…

Мы прислушались. Очень далеко раздавался слабый стук, словно биение пульса — нет, словно кто-то приближался к нам длинными, медленными скачка́ми. В мгновение ока все рыбы исчезли.

— Сейчас нас сожрут, — сказала малышка Мю.

— Пойду уложу детей, — сказала Мюмла. — А ну-ка марш в кровать!

Дети встали в круг и начали расстёгивать друг другу пуговицы на спине.

— Сегодня сами себя пересчитаете, — сказала мама. — Я как-то не могу сосредоточиться.

— А ты нам почитаешь?! — закричали дети.

— Ладно, — согласилась Мюмла. — На чём мы остановились?

Дети в один голос забубнили:

— Эта-кровавая-расправа-дело-рук-Одноглазого-Боба-произнёс-инспектор-Твигс-и-вытащил-из-уха-убитого-трёхдюймовый-гвоздь-должно-быть-это-произошло…

— Хорошо, хорошо, — сказала Мюмла. — Ложи-

тесь уже…

Странные скачки́ всё приближались, «Морзкой оркестор» тревожно покачивался, слуховой аппарат шипел по-кошачьи. Я почувствовал, как шерсть на загривке встаёт дыбом, и бешено заорал:

— Фредриксон! Гаси фонари!

Перед тем как стало темно, с правого борта мелькнул Морской пёс, и этот промельк был ужасающе, несказанно жуток — возможно, именно потому, что мы успели увидеть чудовище лишь в общих чертах. В темноте я представил его себе в подробностях, и это было ещё ужаснее.

Фредриксон включил мотор, но, видно, слишком разволновался и толком не мог управлять машиной. Вместо того чтобы всплыть, «Морзкой оркестор» быстро погрузился на самое дно.

Там он включил свои гусеницы и покатил по песку. По иллюминаторам, будто ощупывая нас длинными пальцами, скользили водоросли. В полной темноте и тишине мы слышали, как пыхтит Морской пёс. Вот он серой тенью выглянул из водорослей, вот сверкнули его жёлтые глаза, и два ужасных луча света зашарили, словно прожекторы, по бортам нашего корабля.

— Быстро все под одеяло! — крикнула Мюмла

своим детям. — И не вылезайте, пока не разрешу!

На корме раздался страшный треск: Морской пёс решил для начала отгрызть наш руль глубины.

И тут в море за бортом поднялась невообразимая кутерьма. «Морзкой оркестор» сперва всплыл, а потом ухнул в глубину вверх днищем, водоросли длинной волнистой шевелюрой расстелились по морскому дну, вода зашумела, как из крана в ванной. Нас раскидало по кабине, дверцы шкафчиков отворились, посуда слетела с полок и заплясала между нами вперемешку с овсянкой и манкой, саго и рисом, ботинками Мюмлиных детей и вязальными спицами моего привидения; табакерка Юксаре открылась, и табак просы́пался. Это был кошмар. Из темноты вдруг раздался вой, от которого шерсть на каждом хвосте встала дыбом.

А после наступила тишина. Страшная, зловещая тишина.

— Летать мне понравилось, — призналась Мюмла. — А вот нырять — совсем нет. Интересно, сколько у меня осталось детей? Пересчитай их, доченька, будь добра!

Но не успела дочь Мюмлы начать считать, как над нашими головами раздался грозный рёв:

— Ага, вот вы где, треклятая моррова компашка! Семь сотен морр в моей дыре! Думали спрятаться на морском дне? От меня не спрячетесь! Что это вы вечно забываете со мной попрощаться?!

— Это ещё кто? — воскликнула Мюмла.

— Угадай с трёх раз, — улыбнувшись, сказал Юксаре.

Фредриксон включил фонари, и дронт Эдвард

опустил голову под воду, разглядывая нашу компанию в иллюминатор. Мы в ответ невозмутимо уставились на него — и вдруг заметили плавающие за бортом ошмётки хвоста и усов. В остальном же Морской пёс больше напоминал пюре, потому что дронт Эдвард случайно расплющил его всмятку.

— Эдвард! Дорогой друг! — закричал Фредриксон.

— Мы твои вечные должники, — сказал я. — Ещё немного, и мы бы погибли!

— Дети, поцелуйте дядю! — воскликнула Мюмла и расплакалась от избытка чувств.

— Вы о чём? — не понял дронт Эдвард. — Никаких детей! Ещё заползут мне в уши. С каждым днём вы становитесь всё несноснее! Скоро даже в пищу не сгодитесь. Я себе все ноги стоптал, разыскивая вас, а вам бы всё лебезить да заискивать.

— Ты раздавил Морского пса! — крикнул Юксаре.

— Что ты говоришь! — подскочив, воскликнул дронт Эдвард. — Неужто я опять кого-то раздавил?! А ведь мне сейчас совсем не по карману новые похороны… И почему это, скажите на милость, — закричал он, внезапно разозлившись, — вы распускаете тут своих паршивых

собак? Вот сами во всём и виноваты!

И дронт Эдвард зашагал прочь, оскорблённый до глубины души. Через некоторое время он обернулся и протрубил:

— Завтра приду к вам на кофе! И заварите покрепче!

Но вдруг что-то снова произошло: всё дно озарилось светом.

— Сейчас мы опять сгорим, — объявила малышка Мю.

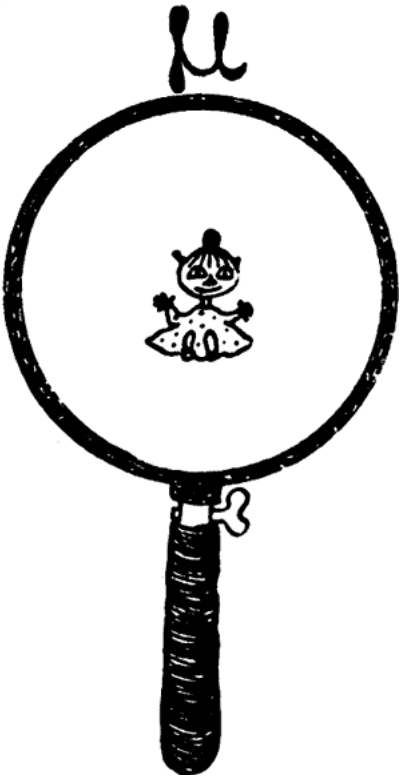
Сотни миллионов миллиардов рыб подплыли к нам с зажжёнными светильниками, карманными и китайскими фонариками, штормовыми фонарями, лампочками накаливания и карбидными лампами. У некоторых рыб за ушами светился маленький огонёк. И все они без исключения были счастливы и бесконечно нам признательны.

Море, только что мрачное, засветилось, словно радуга, синими лужайками водорослей с фиолетовыми, красными и ярко-рыжими анемонами, а морские змеи стояли на головах от радости.

Наш путь домой превратился в триумфальное шествие. Мы ныряли и снова выныривали, виляли вправо и влево, и было не разобрать, что это мелькает у нас за бортом — морское свечение

или звёзды.

Только под утро, когда почти все уже порядком устали и хотели спать, мы взяли курс на остров Самодержца.



Малышка Мю при сильном увеличении.

Глава восьмая,
в которой я привожу обстоятельства свадьбы Шусселя, лёгким пером описываю полную драматизма встречу с Мумимамой и наконец подхожу к глубокомысленному завершению моих мемуаров

десяти морских милях от берега мы заметили вёсельную лодку с поднятым флагом бедствия.

— Самодержец! — взволнованно воскликнул я. — Уж не случилась ли у них там спозаранку революция?

(Впрочем, подданные Короля были, пожалуй, не из тех, кто устраивает революции.)

— Революция? — повторил Фредриксон и дал полный ход. — Как бы чего не стряслось с моим племянником.

— Что-то не так? — крикнула Мюмла Самодержцу, когда мы подошли к Королевской вёсельной лодке.

— Всё так! — крикнул в ответ Самодержец. — Тьфу ты, всё не так! Скорее плывём домой!

— Неужели возмездие забытых костей? — с надеждой спросило привидение.

— Да нет, это всё ваш маленький Шуссель, — вздохнул Король и забрался к нам на борт. — Кто-нибудь, позаботьтесь о лодке. Мы собственной персоной вышли на ваши поиски, потому что ни капельки не доверяем нашим подданным.

— Вы сказали — Шуссель?! — воскликнул Юксаре.

— Именно Шуссель, — подтвердил Король. — Мы очень любим свадьбы, но пустить в королевство семь тысяч клипдассов и злобную тётушку мы никак не можем!

— А кто женится? — заинтересовалась Мюмла.

— Да мы же сказали — Шуссель! — ответил Самодержец.

— Не может быть, — сказал Фредриксон.

— Да-да-да! Он женится, причём срочно! — нервно повторил Самодержец. — На зверушке по имени Муссель. Кто-нибудь, прибавьте ходу. Они влюбились друг в друга с первого взгляда, потом обменивались пуговицами, носились как сумасшедшие и вытворяли всякие глупости, а теперь вот дали телеграмму своей тётушке (хотя её, кажется, съели) и семи тысячам клипдассов и пригласили их всех на свадьбу! И мы готовы сгрызть собственную корону, если они не перероют нам всё королевство! Налейте нам вина, кто-нибудь!

— А не тётку ли Хемулихи они пригласили на свадьбу? — спросил я, потрясённый до глубины души собственным открытием, и протянул Самодержцу его бокал.

— Да-да, что-то в этом роде, — мрачно ответил он. — Тётку с половиной носа и к тому же злобную. Мы обожаем сюрпризы, но мы любим их устраивать сами!

Наш корабль подходил к берегу.

На краю мыса стоял Шуссель, рядом с ним

Муссель. «Морзкой оркестор» приготовился к швартовке, и Фредриксон кинул канат каким-то подданным, которые восхищённо глядели на нас.

— Ну? — сказал Фредриксон.

— Простите, — воскликнул Шуссель. — Я женился!

— На мне, — прошептала зверушка Муссель и сделала книксен.

— Но мы же просили подождать до вечера, — огорчился Самодержец. — Теперь мы не сможем как следует повеселиться на свадьбе!

— Простите, но мы никак не могли так долго ждать, — объяснил Шуссель. — Мы слишком влюблены!

— Миленькие вы мои! — воскликнула Мюмла и, всхлипывая, сбежала по трапу. — Поздравляю! Какая же она симпатичная, эта Муссель! Поздравьте их, дети, они вступили в брак!

— Они вступили в мрак, — сказала малышка Мю.

Но тут чтение вслух было прервано: Снифф вдруг сел в кровати и сказал:

— Стой!

— Папа же читает о своей молодости, — с укором заметил Муми-тролль.

— Он читает о молодости моего папы, — с неожиданным достоинством уточнил Снифф. — Я уже столько всего слышал о Шусселе, а о Муссели — ни слова!

— Я про неё забыл, — пробормотал Муми-папа. — Она только сейчас появилась…

— Ты забыл про мою маму?! — закричал

Снифф.

Дверь открылась, и в спальню заглянула Муми-мама.

— Вы ещё не спите? Мне послышалось, кто-то звал маму.

— Я! — крикнул Снифф и спрыгнул с постели. — Подумать только! Ты всё рассказываешь про пап да про пап, и вдруг, без всякого предупреждения, я узнаю, что, оказывается, была и мама тоже!

— Но это же естественно, — удивилась Муми-мама. — Насколько мне известно, у тебя была замечательная мама, с большой коллекцией пуговиц.

Снифф строго посмотрел на Муми-папу:

— Вот как?

— У неё было полно́ разных коллекций! — заверил его папа. — Камни, ракушки, стеклянные бусины — что хочешь! И вообще, твоя мама — это сюрприз!

Снифф задумался.

— К слову, о мамах… — начал Снусмумрик. — А как там обстояло дело с этой Мюмлой? У меня тоже была мама?

— Само собой! — сказал Муми-папа. — И очень милая.

— Тогда выходит, что малышка Мю моя род-

ственница! — удивился Снусмумрик.

— Ну конечно, конечно! — подтвердил Муми-папа. — Только хватит меня перебивать. Это вообще-то мемуары, а не генеалогическое древо!

— Можно, папа будет читать дальше? — спросил Муми-тролль.

— Ну ладно, — согласились Снифф и Снусмумрик.

— Спасибо! — облегчённо вздохнул Муми-папа и продолжил читать.

Шуссель и Муссель принимали свадебные подарки до самого вечера. Под конец в банке не осталось места, и тогда друзья стали складывать в кучу на берегу пуговицы, камни, ракушки, ручки от шкафов и всё остальное, что у меня просто нет сил перечислять.

Шуссель восседал верхом на этих сокровищах, держал зверушку Муссель за лапку и был на седьмом небе от счастья.

— Как же здорово быть женатым! — сказал он.

— Возможно, — ответил Фредриксон. — Но послушай. Неужели обязательно было звать сюда тётку Хемулихи? И клипдассов?

— Простите, — начал оправдываться Шуссель. — Они бы расстроились, что их не позвали.

— Да, но тётку, тётку! — возопил я.

— Знаешь что, на самом деле я не очень-то по ней скучаю, — признался Шуссель. — Но простите! Меня так мучает совесть! Ведь это я пожелал, чтобы кто-нибудь сжалился над нами и её съел!

— Хм, — промолвил Фредриксон. — Ну-ну. В этом что-то есть.

В ожидании пакетбота подданные Самодержца заполонили весь мыс, горы и берега острова. Его величество сидел на самой высокой горе под балдахином, готовый дать знак духовому оркестру хемулей.

Шуссель и Муссель сели в свадебную лодку в форме лебедя.

Все были крайне возбуждены и взволнованы, ибо слухи о Хемулихиной тётке и её характере расползлись по всей стране. Кроме того, подданные не без оснований опасались, что клипдассы перероют королевство и сожрут все деревья в Парке Сюрпризов. Однако молодожёнам об этом никто и словом не обмолвился, и они безмятежно обменивались пуговицами.

— Как думаешь, эту тётку можно отпугнуть фосфором или наканифоленной нитью? — спросило моё привидение, вышивая череп с костями на грелке на чайник. (Это был подарок для зверушки Муссель.)

— Эту — нет, — угрюмо сказал я.

— Она опять всех заставит играть в воспитательные игры, — предрёк Юксаре. — А может быть, даже не разрешит никому залечь зимой в спячку, а велит кататься на лыжах.

— А что это? — спросила дочь Мюмлы.

— Когда съезжают вниз по атмосферным осадкам, — объяснил Фредриксон.

— Свят-свят! — в ужасе воскликнула Мюмла. — Какой кошмар!

— Мы все помрём, — сказала малышка Мю.

И тут толпа взволнованно зашумела: к острову приближался пакетбот.

Духовой оркестр заиграл гимн «Храни наш чокнутый народ», свадебный лебедь отплыл от берега, несколько Мюмлиных детей от возбуждения попáдали в воду, взревели туманные сирены, а Юксаре разнервничался и сбежал куда подальше.

И лишь заметив, что на пакетботе никого нет, мы поняли, что семь тысяч клипдассов едва ли на нём поместились бы. По всему побережью прокатились крики облегчения, смешанного с разочарованием. Приняв на борт одного-единственного маленького клипдасса, свадебный лебедь устремился к берегу.

— Это ещё что такое?! — воскликнул Самодержец. Он не мог усидеть на троне и побежал встречать лебедя. — Всего один клипдасс?!

— Это же наш Клипдасс! — крикнул я. — С огромной посылкой!

— Значит, Хемулиху всё-таки съели, — сказал Фредриксон.

— Тихо! Тихо! Тихо! — закричал Король и включил туманную сирену. — Дорогу Клипдассу! Он Посланник!

Толпа расступилась, пропуская молодожёнов и Клипдасса, который смущённо пришлёпал к нам и опустил свёрток на землю. Свёрток был слегка обкусан по краям, но в остальном не пострадал.

— Ну-у? — сказал Самодержец.

— Тётка Хемулихи шлёт привет… — сказал Клипдасс и принялся нервно рыться в карманах своего воскресного костюма.

От нетерпения все запрыгали на месте.

— Скорее, скорее! — кричал Король.

Клипдасс наконец выудил из кармана помятое письмо и важно заявил:

— Тётка Хемулихи научила меня писать. Я знаю почти что весь алфавит! Все буквы, кроме последних: «э», «ю» и «я» и кроме мягкого знака и твёрдого. Она диктовала, а я писал. Вот что у нас

получилось.

Клипдасс набрал побольше воздуха и, запинаясь, стал читать по бумажке:

ДОРОГИЕ ДЕТИ!

ПИШУ ТИ СТРОКИ С УГРЫЗЕНИМИ СОВЕСТИ И С ТГОСТНЫМ ЧУВСТВОМ ВИНЫ. К СОЖАЛЕНИ, НЕ МОГУ ПРИБЫТ НА ЦЕРЕМОНИ ВАШЕГО БРАКОСОЧЕТАНИ. ПОНИМА, ЧТО ТО ГОИЗМ, НО НАДЕС, ЧТО ВЫ ПРОСТИТЕ МЕН. КЛНУС, МНЕ ЛЕСТНО И ПРИТНО, ЧТО ВЫ СОСКУЧИЛИС. РЫДА ОТ УМИЛЕНИ, ЧТО МАЛТКА ШУССЕЛ ЖЕНИТС. ГОРЧО БЛАГОДАР ВАС ЗА ТО, ЧТО СПАСЛИ МЕН ОТ МОРРЫ И ПОЗНАКОМИЛИ С КЛИПДАССАМИ, ТИМИ МИЛЫМИ СОЗДАНИМИ. ПРИЗНАС, НАМ С НИМИ ТАК ТЕПЛО И УТНО ВМЕСТЕ, ЧТО НЕ ХОЧЕТС ВЫБИРАТС ИЗ ДОМА ДАЖЕ РАДИ СВАДЕБНОГО УГОЩЕНИ. МЫ ЦЕЛЫМИ ДНМИ ИГРАЕМ В ВОСПИТАТЕЛНЫЕ ИГРЫ И ЖДЁМ НЕ ДОЖДЁМС ЗИМЫ, КОГДА МОЖНО БУДЕТ УДЕЛТ ВРЕМ КАТАНИ ПО СНЕГУ. ЧТОБЫ ХОТ БЫ ЧУТОЧКУ ВАС УТЕШИТ, ПОСЫЛА ВАМ СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК, КОТОРЫЙ, ХОЧЕТС ВЕРИТ,

НАВЕКИ УКРАСИТ КОФЕЙНУ БАНКУ ШУССЕЛ!

6999 ПРИВЕТОВ ОТ КЛИПДАССОВ С ЛБОВ,

ТЁТ ХЕМУЛИХИ

На горах воцарилась гробовая тишина.

— Что значит «гоизм»? — спросил я.

— Эгоизм, разумеется, — ответил Клипдасс.

— Тебе нравится играть в воспитательные игры? — осторожно поинтересовался Фредриксон.

— Очень! — воскликнул Клипдасс.

Я сел на землю, слегка озадаченный.

— Пожалуйста, скорее открывай посылку! — крикнул Шуссель.

Клипдасс торжественно перегрыз верёвочку, и мы увидели фотографию тётки Хемулихи в натуральную величину и в облике королевы клипдассов.

— Нос на месте! — закричал Шуссель. — Как я рад! О, какое счастье!

— Дорогой, посмотри на эту рамку, — сказала Муссель.

Мы все принялись разглядывать рамку и в один голос воскликнули:

— О!

Рамка была из настоящего испанского золота, с розочками из топаза и хризолита в каждом углу. Фотографию окаймлял ряд маленьких бриллиантов (а обратная сторона рамки была украшена скромной бирюзой).

— Как ты думаешь, можно их сковырнуть? — спросила Муссель.

— Конечно! — в экстазе воскликнул Шуссель. — Помнится, кто-то нам подарил шило.

И тут бухту огласил страшный крик:

— Семь сотен морр в моей норе! Я всё утро жду, что меня угостят кофе, но нет, никто из вас даже не вспомнил о старине Эдварде!

Как-то раз, через несколько дней после того, как Муми-папа поведал о свадьбе Шусселя, всё семейство сидело на веранде. Был ветреный сентябрьский вечер. Муми-мама приготовила тодди с ромом и бутерброды с патокой, и всё вокруг выглядело совершенно по-особенному, как бывает только в самых торжественных случаях.

— Ну-у? — сказала мама, и в её голосе слышалось радостное предвкушение.

— Мой труд окончен, — сказал папа смущённо. — Последние слова были записаны сегодня вечером без четверти семь. Последняя фраза… Да что там, сами решите, что вы о ней думаете!

— А там ничего не говорится о твоей разгульной жизни у хаттифнатов? — спросил Снусмумрик.

— Нет, — сказал папа. — Это ведь поучительная книга.

— Вот именно! Потому-то и надо было об этом написать! — возмутился Снифф.

— Тише, тише, — сказала Муми-мама. — Наверное, там скоро появлюсь я? — добавила она и сильно покраснела.

Муми-папа сделал три больших глотка и сказал:

— Именно. Слушай внимательно, сын мой, потому что в последней части повествуется о том, как я нашёл твою маму.

И он открыл книгу и начал читать:

Наступила осень, зарядили серые дожди и затянули остров Самодержца непроницаемой серой завесой.

Я не сомневался, что наша славная вылазка на «Морзком оркесторе» была лишь началом большого путешествия. Но я ошибался. Это и была высшая точка наших приключений, кульминация, не имевшая продолжения. Как только Фредриксон вернулся домой и суматоха, сопровождавшая свадьбу Шусселя, поулеглась, Фредриксон принялся усовершенствовать своё

изобретение. Он без конца переделывал, достраивал, обустраивал, шлифовал, оттачивал и красил, и в конце концов «Морзкой оркестор» стал походить на парадную гостиную.

Иногда Фредриксон совершал небольшие увеселительные круизы с Самодержцем или с гражданами Королевской вольной колонии, но всегда возвращался к ужину.

Я мечтал отправиться в путь, я чах от тоски по большому миру, который ждал меня. Дождь тем временем лил всё сильнее, а Фредриксон всё возился: то было что-то не так с рулём глубины, то с освещением, то с картером двигателя.

А потом пришли большие шторма.

Домик Мюмлы унесло, её старшая дочь простудилась от спанья под открытым небом. Банка Шусселя протекала. Лишь у меня был настоящий дом с хорошей печкой. И что же? Разумеется, вскоре вся компания переехала ко мне. И, естественно, с прибавлением семейных забот моя тоска лишь нарастала.

Нет таких слов, которые сполна описали бы все напасти, поджидающие тех, чьи друзья женились или стали придворными изобретателями. Ещё вчера вы были рисковыми любителями приключений: стоило вам заскучать, как вы готовы были

бросить всё и пуститься в путь, ткнув пальцем в любое место на карте. Весь мир лежал перед вами, как на ладони… И вдруг вашим друзьям это стало неинтересно. Они хотят жить в тепле. Они боятся дождя. Они коллекционируют громоздкие вещи, которые не умещаются в чемодан. Они говорят лишь о пустяках. Они предпочитают не принимать внезапных решений и не делать всё наоборот. Раньше они ставили паруса, а теперь мастерят полочки для фарфора. О, разве можно говорить об этом без слёз!

А самое страшное, что они и меня этим заразили, и чем уютнее мы сидели с ними у огня, тем труднее было снова почувствовать себя свободным и дерзким, как орлан-белохвост. Дорогие читатели, понятны ли вам мои рассуждения? Я сидел в четырёх стенах, но мысли мои витали далеко, и вскоре совсем позабыл, кто я такой. Я был никто, а вокруг — только ветер и дождь.

В тот особенный вечер, о котором я расскажу, стояла жуткая погода. Крыша скрипела и трещала, налетевший с юго-запада шторм то и дело загонял дым обратно в трубу, а дождь тысячью мелких ног топотал по веранде (я переделал капитанский мостик в веранду и вы́резал на перилах узор из сосновых шишек).

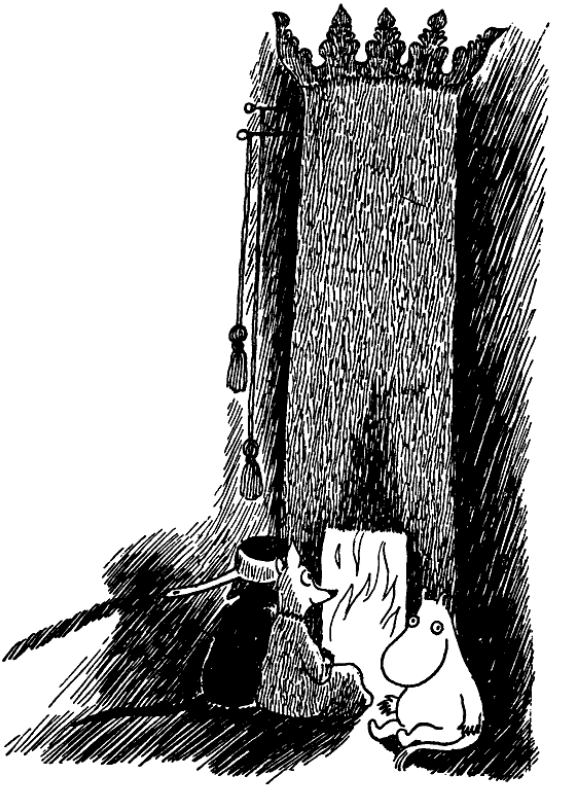
— Мама! Почитай нам! — попросили, лежа в кроватках, Мюмлины дети.

— Конечно! — согласилась Мюмла. — На чём мы остановились?

— Инспектор-Твигс-медленно-подкрался-ближе! — закричали дети.

— Отлично, — сказала мама. — Инспектор Твигс медленно подкрался ближе. Что это там блеснуло — уж не дуло ли револьвера? Преисполненный хладнокровной решимости, чувствуя себя орудием в карающей длани закона, он скользнул вперёд, замер, сделал ещё несколько шагов…

Я слушал вполуха — этот рассказ я слышал бессчётное число раз.



— Хорошая история, — сказало привидение.

Оно вышивало мешочек для хранения пустых катушек от ниток (белые кости на чёрной фланели), то и дело поглядывая на часы.

Шуссель сидел у огня, держа за лапку Муссель. Юксаре раскладывал пасьянс. Фредриксон лежал на животе и рассматривал картинки в книжке «Путь через Океан». Было уютно и тихо, настоящая семейная жизнь, и чем больше я смотрел на это, тем сильнее меня охватывала тревога. Я почувствовал неприятный зуд в ногах.

Морская пена окатывала чёрные дребезжащие окна.

— Оказаться в море в такую ночь… — задумчиво проговорил я.

— Восемь по Бофорту, — отозвался Фредриксон, не отрывая глаз от волн в своей книжке-картинке.

— Пойду посмотрю на шторм, — пробормотал я и выскользнул в дверь с подветренной стороны.

Я немного постоял, прислушиваясь.

В окружавшей меня темноте не было слышно ничего, кроме грозного грохота валов. Я потянул носом воздух с моря, прижал уши и вышел на ветер.

Шторм с рёвом набросился на меня, и я зажму-

рился, опасаясь увидеть то невыразимо жуткое и ужасное, что можно встретить ненастной осенней ночью. То страшное и кошмарное, о чём лучше не думать…

Кстати, это и был один из тех редких случаев, когда я вообще ни о чём не думал. Я просто знал, что должен спуститься на берег с его шипящим прибоем, — это был волшебный дар Предвидения, который и впоследствии нередко приводил меня к удивительным результатам.

Из ночных облаков вышла луна, и мокрый песок засиял металлическим блеском. Волны с грохотом налетали на берег, как вереница белых драконов: вставали на дыбы, выпуская когти, падали на песок, шелестя, расползались в темноте и снова возвращались.

О, воспоминания безраздельно захватили меня!

Что же вынудило меня, наперекор холоду и тьме (а хуже этого для муми-тролля ничего нет), сбежать вниз на берег именно в ту знаменательную ночь, когда Муми-маму забросило на наш остров? (Ах, свобода, странная штука!)

Отчаянно цепляясь за обломок доски, она боролась с прибоем, который швырял её к берегу, а потом уносил обратно, будто мячик.

Я ринулся в воду и что было сил закричал:

— Я здесь!

И вот её снова выкинуло к берегу. Она выпустила доску и барахталась на волнах, размахивая лапками в воздухе. Вдруг я увидел, как на нас надвигается чёрная стена воды. Недолго думая, я схватил несчастную, и в следующий же миг мы беспомощно закружились в кипящем прибое.

С небывалой силой я упёрся ногами в дно, напрягся и, преодолевая течение, пополз к берегу, в то время как волны с голодным рыком норовили схватить меня за хвост; я спотыкался, я цеплялся, я сражался — и наконец, выбравшись из пучины, уложил свою прекрасную ношу на песок, подальше от жестокого дикого моря. Ах, это было отнюдь не то же самое, что спасать тётку Хемулихи! Я спас муми-тролля, такого же, как я сам, только ещё прекраснее, — изящного муми-тролля женского пола!

Она села и закричала:

— Спасите сумку! Спасите сумку!

— Но ведь она у вас в руках, — заметил я.

— О, она цела! — воскликнула она. — Хвала радости…

И она открыла свою большую чёрную сумку, и начала копошиться в ней и что-то искать, и наконец достала свою пудреницу.

— Кажется, пудра отсырела, — опечалилась она.

— И пускай! Вы прекрасны без всякой пудры, — галантно заметил я.

И тогда она подняла глаза, и посмотрела на меня совершенно непередаваемым взглядом, и сильно покраснела.

Позвольте же мне теперь, добравшись до этой поворотной точки моей бурной молодости, прервать сей рассказ и завершить мемуары не менее бурным появлением Муми-мамы, самой обворожительной из всех муми-троллей! С того дня я творил свои сумасбродства под присмотром её нежных и понимающих глаз, и эти сумасбродства оборачивались жизненным опытом и здравым смыслом, но в то же время теряли то очарование дикой свободы, которое и соблазнило меня рассказать о деяниях своей молодости.

Всё описанное мною произошло ужасно давно, но теперь, оживив в памяти эти события, я чувствую, что они могли бы произойти ещё раз, только совсем по-новому.

Я откладываю перо в сторону, твёрдо убеждённый, что сладостная пора приключений, несмотря ни на что, ещё не прошла (что было бы весьма огорчительно).

Пускай же каждый достойный муми-тролль поразмыслит о моих переживаниях, моём мужестве, моей рассудительности, моих добродетелях (и, возможно, безрассудствах) — даже если он пока ещё не удосужится извлечь урок из моего опыта, ибо рано или поздно сам его обретёт, пройдя свой собственный прекрасный или тернистый путь, который суждено пройти всем молодым и одарённым муми-троллям.

Здесь мемуары заканчиваются.

Но за ними следует важный эпилог.

Переверните страницу!

Эпилог

Муми-папа положил ручку на стол и в полной тишине оглядел своё семейство.

— Твоё здоровье! — подняв бокал, растроганно сказала Муми-мама.

— Твоё здоровье, папа, — сказал Муми-тролль. — Ты теперь знаменитость.

— Что-о-о? — подскочив, воскликнул папа.

— Все решат, что ты знаменитость, когда будут читать эту книгу, — заверил его Муми-тролль.

Автор пошевелил ушами и расплылся в довольной улыбке.

— Может быть! — признал он.

— Ну а потом, что было потом? — закричал Снифф.

— О, потом… — сказал Муми-папа и плавно повёл лапой, охватывая жестом дом, семью, сад, Муми-долину и вообще всё, что неизбежно случается, когда весёлые юношеские деньки подходят к концу.

— Дорогие дети, — скромно сказала Муми-мама, — потом всё началось.

Веранда слегка задрожала от внезапного порыва ветра. Дождь припустил с новой силой.

— Оказаться в море в такую ночь… — задумчиво пробормотал Муми-папа.

— Ну а мой папа? — спросил Снусмумрик. — Юксаре? Что с ним стало? И с мамой тоже?

— А Шуссель? — крикнул Снифф. — У меня был один-единственный папа — где он? Вы что, его потеряли? И где его пуговичная коллекция, и где Муссель?

На веранде стало тихо.

И вот тут-то, ровно в тот самый миг, который так необходим для этой истории, раздался стук в дверь. Три коротких, решительных удара.

Муми-папа вскочил со стула и прокричал:

— Кто там?!

Низкий голос ответил из-за двери:

— Открой! Ночь холодна и дождлива.

Муми-папа настежь распахнул дверь.

— Фредриксон! — завопил он.

И на веранду шагнул Фредриксон. Он стряхнул с себя капли дождя и сказал:

— Не сразу я тебя нашёл. Привет, привет!

— А ты ни капельки не постарел! — восхищённо заметил Муми-папа. — О, как же я рад! О, как я счастлив!

Вдруг из-за спины Фредриксона послышался слабый глухой голосок:

— В такую роковую ночь забытые кости гремят, как никогда! — И из рюкзака Фредриксона с премилой улыбкой выползло привидение собственной персоной.

— Проходите, пожалуйста! — воскликнула Муми-мама. — Хотите тодди с ромом?

— Спасибо, спасибо, — согласился Фредриксон. — Стаканчик мне. И привидению. И тем, кто за дверью, тоже!

— А что, там ещё кто-то есть? — спросил Муми-папа.

— Ну так, несколько родителей, — сказал Фредриксон и засмеялся. — Они немного стесняются.

Снифф и Снусмумрик выбежали под дождь, где стояли их папы и мамы, дрожа от холода и

чувствуя себя неловко оттого, что они так долго где-то пропадали. Был там Шуссель, державший за лапку Муссель, — оба притащили свои пуговичные коллекции в больших чемоданах. Был там и Юксаре с погасшей трубкой в зубах, и Мюмла, рыдающая от избытка чувств, и Мюмлина дочь, и остальные тридцать четыре Мюмлиных ребёнка, и, конечно же, малышка Мю (которая вообще не выросла). И когда все они набились внутрь, стены веранды слегка округлились.

Это была неописуемая ночь!
Никогда ещё ни одна веранда не вмещала

столько вопросов, возгласов, объятий, объяснений и бокалов с тодди. А когда мама и папа Сниффа разложили свои пуговичные коллекции и с ходу подарили ему половину, вокруг поднялось такое, что Мюмла собрала своих детей и попрятала их по шкафам.

— Тихо! — потребовал Фредриксон и поднял свой бокал. — Завтра…

— Завтра… — повторил Муми-папа с юношеским блеском в глазах.

— Завтра Приключения продолжатся! — крикнул Фредриксон. — Мы отправимся в полёт на «Морзком оркесторе»! Все вместе! Папы, мамы и дети!

— Нет, не завтра, прямо сейчас! — закричал Муми-тролль.

И вся компания высыпала в сад, в предрассветный туман. На востоке в ожидании зари чуть светлело небо. Солнце уже готово было явиться — ещё несколько минут, и ночь пройдёт, и всё начнётся сначала.

Новая дверь в Невероятное и Возможное, новый день, в который может произойти всё что угодно, если только ты сам не против.

